

ВИТАЛИЙ ЧИЖКОВ

root@kaissa:~#

касса

Виталий Алексеевич Чижков

Каисса

Серия «Фантастика Будущего», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69778537
ISBN 978-5-17-159153-3

Аннотация

Россия, Тверь, 2035 год. Партия Равенства, пришедшая к власти, под предлогом обеспечения безопасности в стране ввела глобальную цифровизацию, тотальное видеонаблюдение, чипирование граждан и социальный рейтинг. Весь массив информации обрабатывает искусственный интеллект Каисса, разработанный гениальным ученым Платоном Девонским. Каиссу пытается взломать хакер Аркат Ли, и его сажают в тюрьму на 25 лет. Там он придумывает сюжет фэнтезийного романа про войну между Демоном и одноруким Ангелом. Но по неведомой причине эти персонажи воплощаются в реальных людей, а значит, грядет битва, которая перевернет весь мир...

Содержание

Пролог	6
Аркад.	6
Аркад.	14
Часть первая	18
Глава 1	19
Матвей.	19
Матвей.	22
Глава 2	24
Матвей.	27
Глава 3	39
Платон Александрович.	39
Глава 4	65
Платон Александрович.	70
Глава 5	80
Платон Александрович.	80
Платон Александрович.	85
Глава 6	91
Матвей.	91
Из учебно-методического пособия	121
Глава 7	135
Платон.	135
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Виталий Чижков

Каисса

Художественное оформление Василия Половцева

ФАНТАСТИКА БУДУЩЕГО

© Виталий Чижков, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

Аркат. 23 апреля 2034

Допотопный макбук хрипел так, словно ему перерезали горло. Надтреснутый, как голос шансонье, экран слабо освещал полумглу уснувшей кофейни. Сборка эксплоита¹ далась машинке нелегко, а генерация фейковой учетной записи заставила кулер работать на всю катушку. Того и гляди макбук поднимется в воздух и улетит со стайкой наблюдательных дронов – патрулировать ночную Тверь. Аркат Ли отставил чашку с чаем и положил руку на корпус. И тут же отдернул – ноутбук был раскаленным!

Консоль выплюнула серую надпись:

```
root@kaissa:~# _
```

Есть доступ к Каиссе! Аркат победно воскликнул. От волнения он ощущал себя шестью литрами бурлящей крови, пе-

¹ Эксплойт – приложение, последовательность команд или программный код для кибератаки, основывающийся на уязвимости в атакуемом программном обеспечении или системе. – *Здесь и далее примечания автора.*

реливающейся в воздухе тончайшими струйками, которые образовывали сутулую тощую фигуру.

Пальцы молодого человека быстро-быстро зашерудили по затертым добела клавишам. Нужно было подтвердить успех.

За окном завис дрон. Чем не нулевой пациент? Аркат молниеносно вогнал в консоль пару строк. Успех: наблюдатель № 376643 оказался под контролем. Хакер понажимал на макбуке стрелочки – дрон в ответ покачался туда-сюда. Аркат развернул гаубицу камеры на окно кофейни – на ноутбуке выплыло изображение сидящего в экранном освещении Ли.

«С ума сойти – вся Россия на кончиках пальцев!» – подумал Аркат.

Он пил чай в попытке унять нервы и наблюдал за картинкой. На ней-то он и заметил за своей спиной движение – три дюжих фигуры, бесшумно возникших из ниоткуда. Люди в черных куртках и черных балаклавах сливались с обстановкой кофейни. Лишь их люминесцентные нашивки «Бюро», отражавшие тусклое свечение экрана, будто парили в воздухе.

Через пять часов Аркат, облаченный в тюремную робу, шагал по длинному коридору колонии особого режима номер триста тридцать семь в камеру номер ноль: искусственный интеллект Каиссы сгенерировал приговор – двадцать пять лет.

До две тысячи тридцатого года Аркату пришлось бы си-

деть под домашним арестом или в СИЗО, разговаривать со следователями, присутствовать на судебных заседаниях. Сегодня же от десяти тысяч судов и восьми тысяч следственных изоляторов в России осталось штук десять первых и не более двадцати – вторых. А путь от места преступления до тюремной камеры в большинстве случаев занимал ровно столько времени, сколько нужно на дорогу в вагонзаке или автозаке.

Мобильный телефон отобрали, только когда подъезжали к Сандовскому району. Поэтому у Арката было время на лихорадочный поиск в Интернете по запросам: «блатные понятия», «как вести себя на зоне чтобы не стать петухом» и «как правильно заходить в тюрьму».

– Мир вашему дому, – поздоровался Аркат, когда за спиной закрыли дверь камеры. – Кто смотрящий в хате?

В голове была каша из информации: не пожимать руку, не разговаривать про интимную жизнь, избегать работы на администрацию, выяснить, «черная» колония или «красная»...

«Хата» была больше похожа на гостиничный номер: широкое окно без решеток, много места, люстра, светлые обои, занавески, подоконник с кофемашиной на нем, настенные полки с книгами. Вдоль стен – четыре диванчика, обитых зеленой кожей. Возле каждого – небольшая тумбочка. На тумбочках – ноутбуки и смартфоны, несколько устаревшие. В углу камеры – комод с пыльным принтером.

Аркат мучительно вспоминал, как называются спальные

места на жаргоне.

Вспомнил:

– На какую шконку вещи бросить можно?

Ответа не последовало. Посреди камеры за огромным круглым журнальным столом в бескаркасных креслах сидели три татуированных зэка в серых робах и увлеченно играли в карты, не замечая Арката. На столе стояла чабань², большой глиняный чайник, дымились пиалы. Разве что кальяна не хватало.

– Матушку Удачу, сто тузов по сдаче! – проявил вежливость Аркат поговоркой, прочитанной на сайте «Честный каторжанин».

Зэки продолжали громко общаться между собой, игнорируя первохода и метая карты на стол.

«После приветствия при заходе в хату может не последовать реакции; тогда нужно громко обозначиться – назвать имя, статью и срок», – вспомнились слова из поста на «ЧК».

– Ли Аркат Адильевич! Статья двести семьдесят четыре! Пункт один!³ Четвертной чалиться заехал к хозяину!

Зэки замолчали и уставились на Арката с изумлением. Наконец-то обратили внимание! Сердце так и выпрыгивало из груди. Статья вроде не зашкварная.

² Чабань – чайная доска, небольшой деревянный столик или поднос с поддоном для проведения чайной церемонии.

³ Статья 274.1. Неправомерное воздействие на критическую информационную структуру Российской Федерации (УК РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ, ред. от 25.03.2034).

– Вечер в хату! Часик в радость! Чифир в сладость! – закрепил свой успех Ли.

– Да ладно! Правительственный сайт хакнул?! – спросил совсем молодой зэк, лысый и беззубый. – Никак Каиссу ломанул? А?

За столом все засмеялись.

– Ну... Да, я эксплойт залил на один из ее серверов, и меня сразу скрутили, – ответил Аркат.

Смех затих.

– Каиссу невозможно взломать: там ее Управление «К» охраняет, шифрование RSA-240, да и Каисса самомодифицироваться умеет, – хриплым голосом сказал второй зэк, высокий нордический блондин. – Надо быть безумным, чтобы пытаться ломануть правительство.

– Я тут главный, – сказал третий зэк, перекачанный мужчина лет сорока, и протянул руку. – Даю тебе погремуху Разноглазый – смотрю, у тебя гетерохромия. Но вообще у нас тут все блатное не принято. Видно, что ты гуглил всю дорогу досюда ауешные⁴ понятия. Не стоило.

Аркат пожал всем руки. Его пригласили к столику. Дали пиалу. Зеленый чай.

Только сейчас он увидел, что карты на столе – это колода

⁴ АУЕ («Арестантское уголовное единство», запрещено в РФ) – субкультура, связанная с распространением норм поведения и системы ценностей, тождественных по смыслу криминальной идеологии российской организованной преступности.

MTG⁵. Проступили и другие детали, которые Ли не заметил сначала из-за волнения: на полках стояли книги по программированию, настройке сетей, математике. Татуировки на зечах были не тюремные, а скорее хипстерские – треш полька, блекворк, биомеханика.

– Скажи-ка мне, Аркат, какие уровни у сетевой модели OSI? – спросил главный.

– Физический, канальный, сетевой, транспортный, сеансовый, представления и прикладной. Мнемоническое правило: «Футбольный клуб „Спартак“ только слабых привык побеждать». – На секунду Ли почувствовал себя на собеседовании.

– Молодец, – подмигнул главный. – Просто хотел убедиться, что ты тоже айтишник. Мы тут все по соответствующим статьям сидим. Меня зовут Иван Гремучкин, кличут Фармаколог, сижу по сто восемьдесят третьей⁶. Работал на фармацевтическую компанию и сливал базы данных конкурентам. Как только Каиссу запустили, все обнаружилось. И вот я здесь. Этот, – Иван указал на блондина, – Василий Кормуша, Кукловод, двести семьдесят третья⁷. Он написал вирус для умных домов и роботов-помощников. Запустил в систе-

⁵ Magic The Gathering – настольная коллекционная карточная игра.

⁶ Статья 183. Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (УК РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ, ред. от 25.03.2034).

⁷ Статья 273. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (УК РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ, ред. от 25.03.2034).

му безопасности на Рублевке. Роботы начали красть драгоценности у хозяев и выносить их из дома. Камеры наблюдения при этом отключались. Драгоценности роботы-помощники клали в роботов-курьеров из доставки. Те привозили их Ваське. Все вскрылось, когда начали патрулировать дронами – там Кукловода быстро спеленали.

– Я Андрей Пасечник. Сто тридцать первая, – сказал лысый парнишка.

– Это же «Изнасилование»? – переспросил Аркат.

– Ага. У Андрюши по этой статье, между прочим, больше восьмисот эпизодов, из них шестьдесят – с мужчинами. Кликуха Калигула, на пожизненном.

У Арката отвисла челюсть.

– Рот прикрой, Разноглазый, – ухмыльнулся Фармаколог. – Андрей просто скрипт-кидди⁸. На форуме скачал какой-то брутфорсер⁹ и подобрал пароль к какой-то сетке, сам не разобрался, к какой именно. И запустил DDoS-атаку. А то была федеральная сеть секс-игрушек с удаленным управлением. По всей стране вибраторы с ума посходили. А между прочим, атака на секс-устройство квалифицируется как изнасилование.

Аркат сидел красный, пытаясь не захохотать.

– Забавного мало, на самом деле, – подытожил Фарма-

⁸ Скрипт-кидди (англ. *Script kiddie*) – низкоквалифицированный хакер.

⁹ Брутфорсер – программа для взлома информационной системы, основанная на прямом переборе всех комбинаций паролей или ключей шифрования.

колог, даваясь от смеха. — Андрея сначала на обычную зону отправили, ему там зубы выбили. Статья-то — сам понимаешь... Но вот теперь сюда привезли. На всю жизнь.

— Ничего не на всю жизнь! — воскликнул Калигула. — Я сейчас работаю над новой прошивкой для дорожных камер, чтобы их нельзя было обмануть. А еще они вообще все-все нарушения будут уметь фиксировать. Мне за это досрочное дадут сразу после релиза.

— Короче, Андрей опять хочет поймать тысячи людей, — подытожил Кукловод.

Аркат. Май 2034

В целом жилось Аркату в колонии неплохо. Как в санатории. Сама колония и была раньше туристическим санаторием – ИТК тут появилась в тридцать втором году, когда тюрьмы были переполнены под завязку и Партия Равенства взялась реформировать всю пенитенциарную систему. В ходе мозгового штурма пришли к плану создания особой колонии с мягким режимом, с упором на фермерское хозяйство. Чтобы можно было отлучаться из нее ненадолго, без ограничений принимать родственников. Чтобы труд оплачивался. Чтобы была работа с психологами, отсутствовали автоматчики и решетки, были возможности для получения образования. Такой режим позволил бы легче интегрировать заключенных в общество после отбывания наказания и, соответственно, снизить число рецидивов. Как следствие, разгрузить тюрьмы. В Норвегии до сих пор существовала подобная колония на острове Бастой, которая показывала отличную статистику – за счет работы на земле особо опасные преступники ресоциализировались лучше и процент рецидивов сократился. Модель была отличная еще и потому, что подобная тюрьма символизировала бы свободу, а это Партии было необходимо позарез.

Сначала, как и в Норвегии, в триста тридцать седьмую

колонию перевезли осужденных по тяжким статьям. И тут эксперимент начал проваливаться: в окружающих деревнях резко подскочил уровень криминала – заключенные просто приходили туда и бесчинствовали, убивая, воруя и насилуя. Пришлось стянуть в этот район спецназ и организовать патрули. Затем обнаружилась другая проблема – после того как в СМИ появились новости о жизни колонии, горожане, находящиеся за чертой бедности, начали нарочно совершать преступления, чтобы попасть в инновационную ИТК.

Закончилось все тем, что местные собрали ополчение и, как в Средние века, пришли с факелами штурмовать тюрьму, чтобы линчевать заключенных. Потому что была некоторая несправедливость в том, что самые мерзкие преступники жили лучше, чем обычные граждане. Подтянулись спецназовцы, и все вылилось в кровавую баню.

С тех пор Партия расселила всех выживших по обычным тюрьмам, а триста тридцать седьмая стала колонией для киберпреступников, по укладу ничем не отличавшейся от любой компании-аутсорсера на воле – та же работа на банки, страховые и ретейлеры за мелкий прайс, много овертаймов и менеджеров, стремившихся выжать из сотрудников как можно больше кода за как можно меньшее время. Конфликты с местными прекратились: айтишники были контингентом, желанным в деревнях – миролюбивым, денежным, ценившим все фермерское и аутентичное, в том числе хозяйственных и ласковых женщин.

Аркад уже через три недели привык к заключению. Он начал ходить на массаж, заниматься в спортзале. А в качестве хобби записался на курс писательского мастерства, который вели в Центре Политинформации – лектории прямо в стенах триста тридцать седьмой. С большим удовольствием он занимался сочинительством, а однажды ему даже представилась возможность рассказать о своем творчестве сокамерникам из нулевой.

По вечерам все в «хате» Разноглазого занимались тем же, чем занимаются абсолютно все люди, хоть немного разбирающиеся в программировании, – мечтали создать крутую игру, которая принесла бы много-много денег. Пока остановились на этапе общей концепции.

– Аркат, может, у тебя есть какие-то идеи интересные? – спросил Фармаколог в один из вечеров. – Мы уже определились с движком. Калигула изучает курсы по моделированию и учится рисовать текстуры. Нужна идея сюжетки.

– Я тут написал синопсис к книге. Хочу, знаете ли, стать писателем и уйти из программирования, – ответил Аркат. – Крутой мистический сюжет. Возможно, подойдет...

– Излагай!

– В общем, там у меня следующие персонажи: Демон – это наш главный герой – и Ангел, его противник. У Ангела одна рука нормальная, а вторая покалеченная. Еще есть Блудница, наполовину девушка, наполовину змея. Ее предстоит спасти из плена религиозной секты. Нам должен помогать

некий Защитник, я его представляю как двуглавого Цербера. Однажды прошел сильный дождь, с громом, шаровыми молниями и затянувшими небо фиолетовыми облаками. И Демон пробудился. В таком огромном столбе пламени. И начал, короче, искать Блудницу...

– Если это будет игрой, то получится «Марио»!

– Да, как «Марио» прям, – продолжил Аркат. – Ему противостоял Ангел, а защищал Демона... Защитник. Вот. Ангел тоже пробудился во время грозы с фиолетовыми облаками.

– Где ты вообще фиолетовые облака видел? – спросил Калигула.

– А Защитник, – сказал Фармацевт, – он откуда появился?

– Я думаю, он вообще как-то стал причиной этой грозы и с него все началось, – ответил Аркат.

– Что-то слабо. Прямо скажу, сюжет – говно, – заключил Фармацевт. – Такую книгу никто читать не будет. И в игру играть тоже. Избито. Какое-то боевое фэнтези, а Защитник твой – как попаданец. Не в обиду, Аркат.

– Да нормальный сюжет! – обиделся Ли.

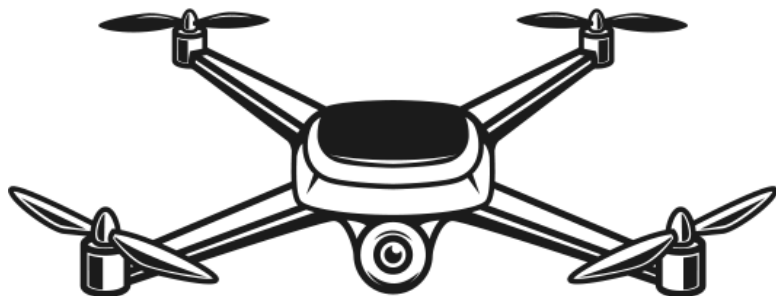
– Я тут в шахматы играю с одним парнягой, – сказал Кукловод, который все это время сидел на своем диване в очках виртуальной реальности. – Пересказал ему.

– И?

– Он отключился.

Часть первая

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

Глава 1

Матвей.

**10 августа 2035, ночь
с четверга на пятницу**

Матвей смотрел в окно и не верил своим глазам: грозовые тучи фантастического ярко-фиолетового цвета выворачивало таким мощным ливнем, что казалось — кто-то стоит снаружи и поливает стекла из шланга. Поросший бурьяном пустырь раскинулся до горизонта там, где вчера стояли новостройки элитного жилого комплекса. Темноту за окном озаряли неестественно частые вспышки молний. Как стробоскоп на той дискотеке, на которой Матвей упивался коктейлями и целовался с Настей еще несколько часов назад.

По пустырю то плавно летал, то начинал метаться десятков шаровых молний, переливающихся лиловым, разнося по округе глухое жужжание, словно гигантские пчелы.

Матвей обернулся — секунду назад он стоял в своей комнате, а теперь это была какая-то халупа с мусором на полу и ключьями пыльной паутины по углам. Темнота. Звуки радио. Запах табака, пота и мочи. Другая мебель, а стены как будто сузились. Куда-то подевалась роскошная кровать, на кото-

рой только что лежала обнаженная, уснувшая в алкогольном экстазе Настя. На этом месте стояла не то койка, не то раскладушка. На ней притаилось маленькое существо, забившееся в самый угол, в тень от иссохшего старого шкафа. Молниевый стробоскоп высветил худенькую девочку лет шести в замызганном платье. Она сидела, уткнув лицо в колени, плечи ее дрожали.

«Не оставляй меня здесь!» – донеслось из угла. Голос шепелявый и слишком низкий для ребенка, словно надтреснутый, сорвавшийся от недавней истерики.

«Не стоило бухать под антидепрессантами», – подумал Матвей. Он медленными шагами подошел к девочке. Она подняла голову, и на молодого человека уставились две пустых глазницы. Зияющие дыры на красивом детском лице, исчерченном дорожками слез; сальный локон серого цвета ниспадал куда-то вглубь черепа...

Матвей проснулся с немым криком. В своей кровати, в своей комнате. Он кричал и кричал от страха, но наружу не вырывалось ни звука. По-прежнему слышалось лишь посапывание Насти и тиканье часов. И сердце грохотало так, словно Ларс Ульрих молотит соло.

Сонный паралич – оставалось только лежать и стрелять глазами по темной комнате.

«Я не боюсь тебя, чертик, возьми меня с собой. Где ты там живешь. В аду?» – вдруг сказал шепелявый девчачий голос

откуда-то сбоку почти в самое ухо.

Настя, не просыпаясь, подалась на Матвея, навалилась, рассыпав по его лицу свою ярко-рыжую гриву. Сонный паралич отпустил, голос из сна уполз в зазеркалье, и Матвей наконец-то смог проснуться. Собственный крик еще жил в голове. Хорошо, что никто не услышал.

Время было уже предрассветное. Сон и паралич так напугали Матвея, что было ясно – заснуть снова не получится.

Он побрел в ванную. Душ. Холодный. Горячий. Холодный. Мощный, как те струи дождя из сна.

Потом ядреный пуэр. Дорогой, из чайного бутика, но все равно воняет водорослями, как дешевый. Тяжелая пивная кружка чайной нефти, чтобы не умирать от сонливости сегодня в Редакции. Уже с утра было намечено несколько встреч, дню предстояло быть длинным и тяжелым. А с учетом непростой ночи, тревожного сна и раннего пробуждения – поистине невыносимым и тягучим, как слюна алкоголика.

Хорошо хоть, что сегодня пятница.

Когда Матвей сидел на кухне с кружкой чая и книжечкой Несбё, окно распахнуло ветром и на пол полился поток воды – на улице гроыхнуло так, что отозвалось в кишках. Гроза! Кое-как справившись с оконной рамой и отгородив ею пространство между домашним уютом и ошалевшей стихией, Матвей увидел небо за окном. Оно было затянуто ярко-фиолетовыми тучами. Неприятный холодок прошел по телу: страшный сон словно опять вползал в реальность, и от

этого становилось не по себе.

Матвей.

10 августа 2035, пятница

Девять тридцать четыре. Уже надо бежать.

До Редакции от дома пятнадцать минут через парк. Гроза и правда показала свою мощь – повсюду большие лужи, разметана листва по асфальту. Вырваны деревья. И десятки мертвых наблюдательных дронов – никакая металлическая защита не уберегла их от ночного шквального ветра. Они валялись в лужах или торчали в кронах деревьев, как елочные игрушки.

Матвей поежился.

Пару лет назад, после того как Партия Равенства ввела контроль за улицами при помощи мелких квадрокоптеров с камерами, преступность в районе снизилась еще на четырнадцать процентов. Матвей тогда работал простым журналистом и писал об этом. Прежнее глобальное видеонаблюдение, которое после принятия Закона о Прозрачности облепило городские стены, забралось в подъезды, каталось целый день в общественном транспорте, не обеспечивало должного уровня безопасности, сколько бы камер ни включало, хоть десятки тысяч. Люди жили небогато и не брезговали разбоем. Психопаты буднично резали и насиловали по темным углам. Горожане быстро сообразили, что у всех камер есть сле-

тые зоны. Что камеры можно закрашивать, разбивать, завешивать. Что лица можно скрывать под капюшонами. Поэтому каждый десяток обычных камер снижал количество преступлений на ничтожные доли процента.

Дроны же были динамичны и неуловимы. Управляемые искусственным интеллектом, они формировали разум улья и активно обменивались данными о траекториях полета, чтобы транслировать бесшовную картинку всех улиц. Их нельзя было просто так сломать: они резко поднимались вверх в любой непонятной ситуации, а вокруг тут же собирался целый рой «рассерженных» квадрокоптеров. Ни одному жулику уже было не скрыться – дроны преследовали до тех пор, пока его не пеленал отряд ППС. Минут через десять этот неудачник сидел в обезьяннике с выкрученным в ноль социальным рейтингом. А без рейтинга жизнь его фактически обесценивалась.

Матвея раньше избивали на улице, поэтому вид рассыпанных по лужам дронов сигнализировал о потенциальной опасности: кто знает, во что мог превратиться чистый город добрых людей, даже на несколько часов пропавший из поля зрения правопорядка? Матвей смотрел на поверженные стихией дроны и чувствовал себя обнаженным.

Но время не терпело. К счастью, до работы удалось добраться без опоздания и приключений.

Глава 2

Десять лет назад из-за цепочки экономических кризисов разница между богатыми и бедными стала катастрофической. Повсюду начались погромы. Потом обедневшие обыватели, поняв бесполезность выступлений против власти, обратили свои кулаки против сограждан. Страну захлестнула волна криминала. Даже вылазка в продуктовый представляла собой настоящий рейд, в который лучше было собрать несколько надежных мужчин из числа соседей и выдвигаться за покупками вместе.

Партия Равенства образовалась стихийно и возникла будто из ниоткуда. Не как фаланга радикалов, не как полноценная официальная партия, не как революционный комитет. Прежняя власть как-то незаметно разбежалась по зарубежью, а оппозиции сроду не водилось; по сути, возглавить страну могла любая организованная сила, вот только смысла в этом никто не видел – пожить было нечем. Партия Равенства беспрепятственно вползла в Совет Федерации и Госдуму и начала сыпать реформами и законами. То, что за границей делали только в качестве эксперимента, то, что какое-то время жило в странном Китае, то, о чем писали фантасты, теперь становилось действительностью, оглашаемой дикторами правительственного телевидения.

Партия пролоббировала социальный рейтинг и цифровой

паспорт. Блокчейн¹⁰, цифровой рубль, принудительный сбор биометрии. Все эти замысловатые слова значили одно – теперь у каждого гражданина будет индивидуальное количество баллов, которое определит его жизнь. В бюро кредитных историй и банковских системах быстро нашелся ответ, сколько кому баллов назначить. Система кредитных конвейеров уже давно умела оценивать благонадежность людей по их образованию, опыту работы, заработку, семейному положению и наличию задолженностей. Оставалось немного подкрутить коэффициенты, смешать их с данными судов, приставов, нотариусов – и вуаля, каждый получил свою циферку, которая обозначала, будет ли человек пользоваться общественным транспортом, будут ли ему продавать алкоголь, давать кредиты. Примут ли его в больнице, зачислят ли в учебное заведение, зарегистрируют ли брак. Будет ли он вообще на свободе.

Сначала казалось, что подобные выкрутасы еще сильнее обозлят людей. Но это подействовало как звонкая пощечина истерящей женщине – граждане вдруг остановились в своем запале и растерянно посмотрели вокруг. Потом на свои баллы. Потом в свой электронный кошелек – в недоумении.

Партия Равенства воспользовалась затишьем и залатала

¹⁰ Блокчейн – децентрализованная технология хранения данных на основе криптографии. В прикладном смысле позволяет сохранять любые данные, например персональные, идентификационные, финансовые, геолокационные. Их нельзя изменять и удалять, подделывать. Это обеспечивает прозрачность их учета и отслеживания.

раны плающей и уставшей страны пониженной ставкой по кредитам, единовременными выплатами, гуманитарной помощью, налоговыми льготами.

На короткое время, как дым от пожарища, появились на русской земле правозащитные организации из Европы. Самые разнообразные, они разнюхивали и пытались понять суть социального рейтинга, листали свои нормативно-правовые акты о личных свободах, связывались с юристами из Партии Равенства. Нашли горячую поддержку в лице озабоченных своей неприкасаемостью и интимностью местных граждан. Не всем нравилась новая система, кто-то видел в ней ограничения.

Но и тут у партийцев нашелся аргумент. Все люди уже десятки лет жили в Интернете, пользовались электронными сервисами и приложениями. Ставили галочки и цифровые подписи куда попало, не глядя вбивали коды эсэмэсок в какие-то окошки, подмахивали бумажки. Даже у самой дремучей старушки в век информационных технологий да нашлось какое-то согласие, дающее карт-бланш на владение всей ее подноготной.

Оставалось собрать это все вместе, зафиксировать с юристами и заткнуть всем недовольным пасть, оставив их шуршать своими шапочками из фольги в недрах конспирологических форумов. Сил сопротивляться уже не было ни у кого. Правозащитные организации отклонялись и уехали туда же, куда парой лет ранее мигрировали прежние отечественные

политики.

Так Партия Равенства решила еще одну проблему, залатала еще одну течь и половчее ухватила топор, прорубавший намеченное направление.

Это уже потом введут чипирование, отслеживание геолокации, камеры повсюду, системы распознавания лиц, полный отказ от наличных. Потом как явления исчезнут криминал с улиц, терроризм, эпидемии, кражи и теневой бизнес. Потом появится Бюро со своей Каиссой.

Каждому горожанину предстояло пройти свой путь, чтобы привыкнуть к тому, что нолик на дисплее страшнее тюремного срока. Или что жужжащие, почти игрушечные дроны легко унимают ярость от голода и нужды. Но прямо сейчас Партии Равенства предстояло решить несколько неотложных задач.

Матвей.

10 августа 2035, пятница

Говорят, что история иногда оправдывает принятые политические решения. Но нельзя было ждать историю, эту старуху, по лживости уступающую только статистике. Срочно нужно было создать такие СМИ, которые выполнили бы всю работу за нее. Которые со снайперской точностью расставили бы точки над «і» и которым люди верили бы как себе.

Так появилась Редакция. Открыли ее в Твери, чтобы при-

дать налет «провинциальности», которой люди больше доверяли. Ее здание стояло в промышленной зоне. Раньше оно было ткацкой фабрикой, но теперь это четырехэтажное кирпичное строение превратилось в бизнес-центр. Дизайнеры смогли обыграть его индустриальный вид и придать эстетику лофта. Внутреннее рабочее пространство с высоченными потолками, светлое, со стеклянными перегородками, книжными стеллажами, большими зеркалами и эргономичной мебелью ярких цветов удачно контрастировало с оставленными на виду металлическими несущими конструкциями и большими вентиляционными трубами.

Матвей работал в Редакции уже семь лет, с самого основания. Кажется, еще вчера он, робкий студент журфака, пришел на практику. И вот сейчас он шагал по роскошному холлу заместителем главного редактора.

Обычно Матвей заходил в Редакцию вальяжно – в свои двадцать пять он командовал целым полком журналистов, операторов, маркетологов, фотографов и еще бог знает кого. Выглядел он значительно старше своего возраста. В пшеничном топ-ноте¹¹ пробивалась седина, лоб казался огромным из-за выпадавших волос. Десятка два лишних килограммов добавляли еще немного возраста и толику солидности. Завершала образ длинная борода, тоже с проблесками седины.

¹¹ Топ-нот (*top knot*) – мужская прическа-«узел». Виски и затылок коротко стригутся, оставшиеся на верхней части головы длинные волосы забираются в хвост или пучок.

В остальном Матвей также старался немного накинуть себе: классический строгий костюм, крупные часы, запонки с брильянтиками, зажим для галстука, маниклип с наличными, от которых уже давно отказались. И громоздкие, страшно дорогие и не идущие ему очки. При стопроцентном зрении.

Кабинет Матвея был строг и предельно лаконичен – три кожаных кресла и огромный стол с пресс-папье и лампой. При этом стол всегда пустовал, потому что во время работы на нем ничего не было, кроме ноутбука и телефона. Всю стену за спиной занимал застекленный стеллаж, заполненный книгами Достоевского, Ницше, Канта, Юнга, Хемингуэя и другой классикой в толстых переплетах. Их Матвей, несмотря на журналистское образование, не читал. Любимые детективы хранились дома.

Также дома, подальше от глаз коллег, хранились и кислотные мультяшные футболки, стопки комиксов, радиоуправляемые машинки и фигурки супергероев. Своей по-детски неформальной натуры Матвей стеснялся и думал, что никто из окружающих не стал бы считаться с ним, если бы не маска большого серьезного дядьки. Может, и не культовой пока личности, но уже явно человека с претензией. По этой же причине замглавреда никогда не приглашал на корпоративы Настю. Помолвка с татуированной вокалисткой панк-группы на пользу имиджу не пошла бы.

Демонстративная солидность Матвея и строгость его кабинета хорошо сочетались с холлом и переговорными для

встреч гостей, но сильно выделялись на фоне остальной Редакции. Она больше напоминала хипстерский коворкинг огромных размеров. Стояли гам и суета, трещали клавиатуры, пахло кофе. Дресс-кода не было. Сотрудники Редакции, которым не нужно было появляться в кадре или разговаривать с гостями, предпочитали носить удобную и яркую одежду с оригинальными принтами. Каждый стремился подчеркнуть свою индивидуальность и отличаться от остальных. Но так как это делали все, то стили теквир или неряшливый субкультурный фэшн, казалось, превратились в униформу.

Сегодня же Матвей шмыгнул в дверь Редакции впопыхах. Ночной кошмар не шел из головы, тревожности добавило отсутствие Наблюдения на улице. Да и начинающаяся через пару минут встреча тет-а-тет с главным редактором подгоняла.

Вот главный редактор как раз соответствовал царящему вокруг духу бунтарства. Максим Леонидович Павлов, для коллег просто Макс, за глаза – Мэд Макс или, с уважением, Макмэн. На каждый день месяца у него была крутая цветастая футболка оверсайз и пара кроссовок – подлинный сникерхед¹², увешанный с ног до головы гаджетами. И неизменный клубный пиджак с вышитым на нагрудном кармане лого Редакции. Кабинет Макса напоминал магазинчик комиксов, набитый игрушками и всякими сувенирами, отсылавшими к

¹² Сникерхед – представитель популярной субкультуры, связанной с коллекционированием кроссовок.

поп-культуре и знакам времени.

Все бы ничего, вот только Максу было семьдесят восемь лет. Отлично сохранившийся, поджарый, с густой и хорошо покрашенной шевелюрой только от барбера. Его чересчур молодежный стиль смотрелся неожиданно органично и совсем не странно. Главред не молодился – он и правда всегда соответствовал эпохе.

В его жаргоне был сленг нескольких поколений. Человечек-китч, он мог прийти на важное собрание с инвесторами и политиками в маске Бэтмена. Или на потеху окружающим пранкнуть какого-нибудь новичка раза в четыре младше. Но ни у кого и в мыслях не было навесить на Макса ярлык престарелого чудака. Ореол акулы пера и делового человека, с нуля поднявшего критически важный для нового правительства голос медиапространства, окружал Максима Леонидовича и недвусмысленно давал понять, персоной какого уровня тот является.

Ему довелось побывать и редактором старых газет, и ведущим прежнего телевидения, видеоблогером, инфлюенсером, а теперь вот и амбассадором бренда «Партия Равенства». Хайп, инфоповоды, сплетни и пиар были его стихией, в которой он жил уже полвека и знал о ней все. И ставку в работе Редакции делал не на журналистику и репортажи, а на тренды видеосообществ, лидеров мнений в соцсетях и многое другое. Он глубоко понимал клиповое мышление обывателей и манипулировал им из своего главредовского кресла.

А его подход... Однажды Партия запланировала законопроект, обязующий чипировать не только взрослых, но и детей. Чтобы с младых ногтей привыкали к Прозрачности. Но детишки – это же святое; вонь поднялась страшная. Тогда главред взял и отвез на дачу своего внука. И объявил его без вести пропавшим. Почти месяц все столбы в городе были оклеены его фотографиями, добровольцы прочесывали километры лесов круглыми сутками и уже сдались. Трагедия несусветная, главред утирал слезы на все камеры, которым это только было интересно. А потом «нашел» внука. Благодаря тому, что самолично его когда-то чипировал и наконец-то чип ожил и подал сигнал. Ну это Максим Леонидович, конечно, блогерам и журналистам сказал, на самом-то деле у его внука не было никакого чипа. Да и сам Макс не носил чип, у него был иммунитет от социального рейтинга и чипирования – Бюро имело вайт-лист элиты, которую нельзя отслеживать просто так. После этого и последовавшей информационной кампании горожане сами повели своих отпрысков зашивать чипы в руку. А законопроект, кстати, так и не появился.

Вот такой мэтр был у Матвея в начальниках. Под его руководством Редакция с самого начала реформ показывала людям светлую сторону новой политики: как видеонаблюдение и чипы помогают находить заблудившихся стариков в лесу. Как Каисса отслеживает сердечные приступы через датчики и присылает скорую одиноким людям. Как предотвраща-

ют теракты благодаря дронам. Как сократилось количество мелких хулиганств и правонарушений. Как классно живется добропорядочным гражданам с высоким рейтингом, какие у них низкие процентные ставки по кредитам. Как прозрачность цифрового рубля позволяет ловить за руку взяточников. Что ради личной безопасности и хороших условий жизни поступиться кусочком свобод – это, считай, взять по скидке.

Редакция включала в себя множество каналов, радиостанций, подкастов, сайтов, блогов на всех площадках, добивалась упоминаний от знаменитостей и даже пролезла в музыку и литературу. Имелся и иностранный сегмент, транслировавший те же идеи, но уже за рубежом, чтобы не считали, что в России варварская диктатура, как в Китае, а прочно связывали страну с либерализмом и расцветом информационных технологий. И работали над этим не сотни – тысячи людей под началом Максима Леонидовича. Их общий голос прорезался и смог так гаркнуть на всю страну, что даже молодежь начинала день с новостей. Действительность менялась так стремительно, что непозволительно было пропускать их мимо ушей.

Отдельным направлением работы Редакции была утилизация неудобных вопросов к власти. Откуда вообще появилась Партия и кто все эти люди? Если она возникла стихийно и в духе времени, то почему использовала технологии, которые оттачивались годами, со времен пандемийных «ум-

ных городов»? Кто спонсирует всю эту инфраструктуру? Отвечать на эти вопросы предстояло Матвею, потому что он со временем возглавил Отдел Утилизации Сплетен. И он исправно на них отвечал посредством блогерских расследований и инфоповодов.

Сейчас у главреда была очередная парочка заданий для своего сына – Матвей скрывал свое родство с Мэд Максом так же тщательно, как помолвку с Настей и комиксы под кроватью. Сыновней любви, да и вообще теплых чувств Карпов не питал. Лишь снисходительную признательность за высокую зарплату и безупречное развитие карьеры, обеспечиваемые главредом младшему из восьми детей.

Матвей пришел без опоздания, минута в минуту. Максим Леонидович сидел и заполнял какие-то бумажки.

– Привет. Мне бежать уже надо, так что можешь не садиться. Буду краток – к концу месяца мне от тебя нужен репортаж с острова Бюро. И второе – развернутое эссе, посвященное свободе как понятию, для литературного журнала. Преподнесем как самиздат, у тебя же остался тот аккаунт, под которым ты всякую мишуру про сверхъестественное пишешь, да? Сколько там подписоты?

– Да, остался, веду. Почти тридцать тысяч.

– Отлично. Посыл эссе в том, как нам всем тут хорошо живется при Партии и какие мы все тут свободные. Осилишь, да?

– Осилю. А что писать надо?

– А ты вот сам как считаешь, ты свободный человек или нет?

– Ну... да, в целом. Ну типа работаю на любимой работе. Пишу вот рассказы свои в Сети, с читателями общаюсь.

– Не читал, извини, занят. Да и не мое это. Вообще, редакторы говорили, что неплохо у тебя там все. Говорю, давай за ниточки дерну и будешь издаваться, может, из тебя По новый выйдет али Лавкрафт, а?

– Не надо, спасибо.

– Так-так-так. Что там, значит, свобода для тебя – это заниматься чем-то любимым, да?

– Ну деньги вот есть, квартира нормальная, машина, в путешествия с Настюхой гоняем...

– Ты ж моя Мэри Сью! У тебя, как у всех в целом, менталитет. Такой, от идентификации себя, не от природы. Вроде если все хорошо, то и свободен. В глобальном смысле это не так, конечно, но для задания просто идеально! Сейчас все испытывают кризис самоидентификации, стремятся заклеиться ярлыками, и если ярлык приклеился – значит, свобода. Ферштейн?

– Ферштейн.

– Конечно, ферштейн. Смотри, наброшу мыслишку. Россия до сих пор пропитана коллективизмом, социализмом: брат-за-брата, что-люди-подумают – вот этим всем. И если ты на своем месте обретаешь роль для остальных, то вроде как и свободен. То есть самореализуется обыватель не через

свободу как таковую, а через служение своей идентичности, коллективному. Да?

– Ну я понял: свести все к тому, что служение окружению выше служения себе. «Нужды большинства важнее нужд меньшинства... или одного»¹³. Такая же подача должна быть?

– Да, как вариант пойдет. Но можно немного постараться и выдать что-то получше.

Матвей, как обычно, испытал неприятное чувство от общения с отцом. Как будто это эссе ему поручают писать только потому, что оно предназначено для обывателей и что Матвей идеальный автор, потому как сам махровый обыватель. И вообще, мало у заместителя главного редактора дел, чтобы сочинения сочинять, как школьник! Наверное, Макс опять включил отца и долгими путями хочет какой-то важный урок преподать. Раньше надо было, когда бросил Матвея с мамой, а сейчас это опять китч в духе престарелого хипана.

А вот репортаж про Бюро виделся перспективным: еще никто не заглядывал под подол отечественной реализации Большого Брата в виде Каиссы – искусственного интеллекта, обрабатывающего в реальном времени зеттабайты¹⁴ дан-

¹³ Цитирует Спока из фильма «Звездный путь 2: Гнев Хана».

¹⁴ Зеттабайт – единица измерения количества информации, эквивалентная миллиону миллионов гигабайт. Если взять смартфон с памятью 32 гигабайта, то это примерно 34,4 миллиарда смартфонов.

ных с чипов, видеокамер, дронов, турникетов, терминалов, банкоматов и всего-всего цифрового в стране. Каисса жила на озере данных¹⁵ в огромном дата-центре на засекреченном острове.

Должно быть, даже мысли в голове Матвея сейчас попали в папку *C://секретный_остров/секретный_НИИ/секретный_дата-центр/.../каисса/россия/тверь/горожане/чипированные/матвей_максимович_карпов/голова/мозг/мысли/мысль-10-авг-2035-10:05:45*.

«Ну и ну, – заключила бы Каисса после обработки, – какое же дерьмо в голове у этого кожаного мешка».

– Ладно, с эссе разберусь. А что с репортажем? – спросил Матвей. – Там же секретка везде, да и я ничего не знаю, что там Бюро делает.

– Да-да, в Бюро надо будет поехать. Я выбил тебе проводника, вундеркинда из Сколково, он Каиссу с самого начала создавал. Платон Девонский. Ему всего двадцать два, а голова как Государственная Дума, умнейший паренек, айкью не влазит в шкалу – он там в бюрошном институте чем-то заведует или что-то возглавляет. Платон будет курировать тебя, на следующей неделе заберет с собой на остров. Проведет, расскажет, покажет. От него – ни шагу.

¹⁵ Озеро данных (*англ. data lake*) – способ хранения большого объема данных произвольного формата в «сыром» виде из множества источников для любых целей. Отличается масштабируемостью, гибкостью и высокой производительностью.

– Что нужно транслировать в репортаже?

– Надо минимум две линии донести. Первое – что над Кассой работают обычные, хотя и мозговитые ребята. И второе – какие крутые у нас технологии. Возьмешь с собой Лешку-фотографа, эфэсбэшники сказали, что разрешат поснимать кусочек дата-центра, говорят, там очень атмосферно.

– Киберпанк, который мы заслужили.

– Не ерничай, да? Все-таки система, которая контролирует многое в нашей жизни. Ты первым журналистом будешь, который на остров ступит. Цени это, окей?

– Да ценю...

– Все тогда, будут вопросы – звони. У эйчаров подпишешь оставшиеся NDA¹⁶, к середине недели тебя проверят на благонадежность. И назначим свидание с Платоном.

¹⁶ NDA (англ. *non-disclosure agreement*) – соглашение о неразглашении данных.

Глава 3

Платон Александрович. 8 августа 2065

Платон Александрович Девонский сидел в здании КПП Бюро на острове Котлин. Шел август две тысячи шестьдесят пятого года. Россияне совершили много прорывов за последние полвека, но победа над бюрократией в них не входила: Платона не пускали на территорию НИИ Бюро имени П. А. Девонского, потому что созданная им же система Каисса-2 не распознала его генотип, служивший пропуском. Платон торчал на КПП, пил кофе с молодым эфэсбэшником, который вежливо, за локоток, задержал его. Они ждали прибытия заместителя Платона, чтобы тот подписал нужные бумаги и руководителя НИИ наконец-то пустили внутрь.

Платон боролся с головной болью. Он мало что помнил; амнезия после аварии создавала постоянное и навязчивое ощущение дежавю. Например, эфэсбэшник был до боли знаком. Эта лопоухость, белая шевелюра, нос картошкой. Явно смущенный инцидентом, молодой человек не знал, как себя вести с Платоном, что говорить и говорить ли. Делал вид, что наслаждается кофе, и периодически пытался завести дежурную беседу: «Как добрались?», «Этот месяц, говорят, вооб-

ще без дождей будет...», «Столько молодых ученых прибыло...», «Аня передавала вам привет!», «А помните...»

Платон вежливо кивал, но желания поддерживать смолток у него не было. Он даже не помнил имени эфэсбэшника, а тот знал о Платоне больше, чем сам Платон. То есть эфэсбэшники и так знали обо всех очень много, но чтобы...

Мысль опять убежала из головы. Это случалось часто. Словно читаешь книгу и натыкаешься на место с вырванной страницей. Платон помнил все прочитанные в юности книги по психологии, физике, программированию, шахматам почти дословно. Но с трудом вспоминал свое имя и не сразу узнавал себя в зеркале.

В одной из книг приводили принцип «здесь и сейчас» для концентрации внимания, гиперфокуса, принцип абсолютной осознанности. Отвлечься ото всего, сосредоточиться на текущем моменте, обстановке, почувствовать только то, что происходит. Для пущей эффективности. И сегодняшний Платон жил в таком постоянном гиперфокусе просто потому, что почти не помнил прошлого и от этого не знал будущего. Здесь и сейчас – только это и оставалось. Экзистенциализм как он есть. Но эффективностью и не пахло, мысли ворочались в сознании, как ржавые жернова, в голове словно была дырка, через которую утекали остатки разумного.

Наконец приехал заместитель. Его имя крутилось в голове, как слово, которое знаешь, но никак не можешь вспомнить. Зайцев, Завьялов, За... ма... нов, что-то такое.

– Мазаев! Арсений! – представился заместитель. Черная рубашка, джинсы, спортивная стрижка. Лет пятьдесят, ровесник. – Саныч, ты правда не помнишь? А подкачался, помолодел!

Арсений в шутку ударил Девонского в плечо и пощупал бицепс. Девонский вздрогнул.

– Не помню, – признался Платон, – простите.

– Твой терапевт сказал, что когда-нибудь вспомнишь. Нагоним!

– Мне он сказал, что я могу умереть от инсульта со дня на день. С вероятностью пятьдесят на пятьдесят.

– Тю! Сгущает.

– Мне сказали, что вы мой лучший друг.

– Уж смею надеяться.

– Сказали, сегодня будете сопровождать меня на какой-то важной встрече.

– Еще какой важной!

Арсений долго заполнял какие-то документы. Эфэсбэшник спросил у него:

– Почему пропуск-то не работает у Платона Александровича? Сбой?

– Какой сбой может быть у Каиссы?! Даже не говори вслух такое. Пропуска же по ДНК работают, – ответил Мазаев.

– Но не работает же...

– Это потому, что ДНК у Саныча слегка изменилась.

– Почему?

– Почему-почему... Много будешь знать!.. – Мазаев улыбнулся, отдал документы пареньку и пригласил Платона проследовать на территорию. Железная дверь КПП отъехала, открывая дивный новый мир. То, что находилось в Бюро, свело бы с ума любого техногика и приверженца конспирологических теорий.

– Сейчас экскурсия. Новое – это хорошо забытое старое, – ободряюще сострил Мазаев. – В твоём случае – очень хорошо забытое. Но мы будем вспоминать!

Две недели назад Платон попал в страшную дорожную аварию, хирурги собрали его по кусочкам. Тело представляло собой подключенную к аппаратам жизнеобеспечения мозаику, истекающую мочой, сукровицей и желчью. Состояние было тяжелым, врачи прогнозировали десятки месяцев восстановления.

Высшее звено Бюро не могло позволить себе потерять ведущего специалиста на такое время. С разрешения супруги, Клэр Девонской, применили экспериментальную генную терапию. Точнее, целую группу новых методов и препаратов – генные инженеры Бюро словно с цепи сорвались и извлекли из закровов лабораторий все свои проекты независимо от того, на какой стадии испытаний они находились. Карт-бланш на применение их на живом человеке так манил новыми грантами, что дышащий через ИВЛ кусок мяса, ранее бывший Девонским, превратился в полигон и биологи-

ческую выставку достижений.

Теломераза, модифицированные блокаторы миостатина от военных лабораторий, какие-то молекулярные шапероны, аденовирусы с новыми цепочками генов на борту. Заодно подшаманили микробиом, там-сям... И это дало результат: прошло две недели, а Платон был практически в добром здравии, в отличной физической форме. Сегодня он должен приступить к работе.

«Где здесь туалет?» – первым делом спросил Платон, оказавшись за воротами КПП. Амнезия, к ужасному разочарованию владельцев Бюро, делала стремительное выздоровление Девонского бесполезным. Его блестящий ум был затуманен провалами в памяти, постоянной мигренью и депрессивным настроением.

Сегодняшнюю встречу с главой совета Бюро посвятили выработке стратегии того, что же делать дальше. Платон из контекста понял, что до аварии на нем висела какая-то особая задача и ради ее выполнения руководство пойдет на все. Экспериментальная терапия была еще цветочками. Какие еще способы возрождения интеллектуальных способностей в голове Девонского припасены у технократов?..

Платон вздрогнул от холодной воды из умывальника. Он стоял в туалете и смотрел в зеркало – генная инженерия изменила его. Из отражения глазел нестарый мужчина, лет под сорок, хотя самому Девонскому исполнилось пятьдесят два. Цвет глаз изменился с зеленого на карий. Худосочное рань-

ше тело бугрилось мышцами, как у атлета, из-за чего невысокий Платон казался тумбочкообразным. Из-за новой мышечной массы на Платона не налезала прежняя одежда. Сборы на остров вышли стремительными – пришлось взять завалявшиеся старые вещи. И вот Девонский стоял здесь в потертых джинсах, коричневом заношенном свитере, растянутом на локтях, и кожаной косухе из неформального студенческого прошлого. Косуха эта, как и многое другое тогда, донашивалась за тучным старшим братом и была размера на три больше. Но сейчас она сидела как влитая. Обритая врачами голова со шрамами от операций, сломанный подушкой безопасности нос. Интеллигентный ученый теперь больше напоминал вышибалу из провинциального ночного клуба. Даже взгляд из-за амнезии стал как будто телячьим: широко открытые глаза и вздернутые в каком-то удивлении брови. По сути, от прежнего Платона остались только сжатые в нитку тонкие губы, постоянно напряженная жилистая шея, стиснутая угловатая челюсть и белая, ни кровинки, кожа.

До встречи оставался час. Мазаев провел экскурсию по Бюро. Вся территория скрывалась в чаще леса, за могучей стеной древнего форта, сложенной из каменных глыб. Стену оставили в историческом виде, настолько капитальной была эта постройка. Из современного добавили только наблюдательные бронированные вышки и здание контрольно-пропускного пункта. По периметру форта лес вырубili на две-

сти метров и забетонировали, чтобы прилегающая территория лучше просматривалась.

Бюро состояло из административной части, научно-исследовательского института, дата-центра, завода по производству дронов и общежития. Площадь бывшего форта была небольшой, в три-четыре футбольных поля. Поэтому все постройки в Бюро были многоэтажными, даже служебными, например, госпиталь или резервная подстанция. Издалека весь форт с высотками внутри напоминал стакан с карандашами.

Администрация занимала множество кабинетов: кабинет А, кабинет Б... и так до кабинета Х. В них работали сотрудники ФСБ, небольшая команда контрразведчиков и хакерские группы. Хакеры защищали всю систему Каиссы и внутренние сети Бюро от кибератак. Эфэсбэшники разбирали инциденты, контрразведчики обрабатывали информацию об иностранных гражданах и съемки дронов с границ.

Работа велась так: на материке, то есть по всей России, видеокамеры, дроны, прослушивающие устройства, кассы, оборудование операторов связи и Интернета – все устройства, собирающие любую информацию, – транслировали данные в дата-центр. Эта информация поступала на серверы через сеть дронов, на борту которых были передатчики. Такие же передатчики стояли на всех устройствах в стране. Сеть квадрокоптеров была децентрализована, от одного к другому информация передавалась мгновенно. Туча

из дронов висела в воздухе над Финским заливом, от материка до острова. Через нее потоком текла в дата-центр информация о том, что происходило с каждым гражданином.

На материке дроны сновали над улицами, лишь изредка залетая в станции на крышах домов для подзарядки. Как пчелки, они подлетали к уличным банкоматам и статичным камерам, получали от них пыльцу из байтов и по цепочке из других дронов передавали в свой улей на Котлин. Всю сеть страховал резервный спутниковый канал, который нагружался разве что в очень плохую погоду, когда дроны прятались от ненастья.

Дата-центр на Котлине был самым большим в Европе, двадцать этажей высотой. На каждом этаже стояли тысячи серверов, и на каждом сервере крутилась нейронная сеть, кирпичик глобального искусственного интеллекта «Каисса-2», названного в честь богини шахмат. Вся прибывающая информация растекалась по серверам и обрабатывалась. Каисса-2 искала в этих данных все подозрительное и незаконное и формировала сигналы, которые затем поступали в кабинеты администрации. Сотрудники разбирали отчеты от Каиссы-2 и реагировали. В основном это были сообщения об эпидемиях, действиях террористических групп, взяточниках и намечавшихся митингах. Данные о криминале и правонарушениях Каисса-2 распознавала сама и ретранслировала уже в органы правопорядка, ближайшие к инциденту. Также Каисса-2 сама управляла сетью дронов.

Научно-исследовательский институт совмещал в себе кафедры нескольких университетов, центры статистики, лаборатории, научно-производственные объединения и другие группы ученых и инженеров, а также медицинскую профессию. Вообще, в России самые крупные исследования проводились в Сколково, Новосибирске, Дубне... Но ученые с Котлина имели доступ к озеру данных Каиссы-2 и ее возможностям.

Платон мало запомнил из того, что говорил Арсений. Но восхитился проектом Метавселенной Наблюдения: собираемая дронами видеоинформация поступала в удивительно подробную трехмерную модель. Можно было надеть шлем виртуальной реальности, оказаться в реальном времени в любой точке России и призраком бродить по улицам, заходить в подъезды, наблюдая и подслушивая. Арсений сказал, что совсем скоро Метавселенную введут в эксплуатацию и дружинники смогут работать полностью удаленно и еще лучше выявлять неблагонадежных элементов и плохие поступки, за которые можно понизить рейтинг.

Напоследок Мазаев – в очередной раз – напомнил Платону, пристально глядя в глаза и тщательно, как для ребенка, проговаривая каждое слово: его зовут Платон Александрович Девонский, он занимается Каиссой с самого начала проекта, с две тысячи тридцатого года, с семнадцати лет. Он вундеркинд, в пятнадцать лет уже имел степень доктора физико-математических наук и около десятка патентов в области

искусственного интеллекта. С две тысячи тридцать четвертого года возглавляет НИИ Бюро. В две тысячи сорок восьмом году, незадолго до релиза Каиссы-2, НИИ присвоили его имя.

– За то, что придумал, как разместить огнестрел в дроне, – добавил Мазаев.

Платон и Арсений подошли к облицованному серой нержавеющей административному корпусу Бюро – узкому блочному пеналу двенадцати этажей высотой. Миновали рамку металлоискателя на входе под хмурый взгляд толстого человека в черной рубашке, сидящего в застекленной будке, – и тут же наткнулись на трех других. Ниишников отвели в закуток с узкой дверью, где их тщательно обыскали. Платона сфотографировали, отсканировали сетчатку, сняли отпечатки пальцев, взяли образцы ДНК и крови. Потом пришла строгая женщина в полицейской форме и заполнила пачку бумаг. Наконец вызывающий приступ клаустрофобии лифт, который спускался за ними целую вечность, отвез Девонского и Мазаева на шестой этаж.

Пройдя по слабо освещенному коридору с блеклыми стенами, они остановились у ощерившейся свежей монтажной пеной металлической двери с табличкой «Директор оперативно-распорядительной службы Департамента Наблюдения и Информирования Кронштадтского района Резник В. Р.». Мазаев потянул ручку на себя, и они оказались в провоняв-

шем линолеумом офисном кабинете с портретом какого-то чиновника напротив входа. За большим раскладным столом расположились три человека.

Одного из них Платон узнал – это был его терапевт Борис.

Второй – невысокий, худощавый и безликий тип непонятного возраста – должно быть, Резник, раз сидит во главе стола в самом большом кресле и держит пульт от кондиционера. В шерстяном сером пиджаке и с такими же серо-стальными глазами, не моргающими, смотрящими в упор из-за стекол маленьких очков. Резник был Платону смутно знаком, значит, он с ним точно взаимодействовал раньше. Интересно, как?..

А вот третьего человека Девонский точно видел впервые. Жилистый и высокий казах с гетерохромией – один глаз карий, другой голубой, – чуть за пятьдесят, приятный, с острыми скулами, морщинками вокруг глаз и едва заметной ухмылкой.

Когда они вошли, предполагаемый Резник чересчур суетливо для высокого чина подскочил с кресла, стремительно подошел и начал трясти им руки и по-собачьи заглядывать в глаза. Неприятный тип, лезет слишком близко, нарушая личное пространство – от него отступаешь на шаг, а он снова подходит на тот же шаг. И голос высокий и дребезжащий, речь стремительная, настоящий тараторка:

– Платон, Сеня, приветствую. Наши блестящие умы, надежда и опора! «Яйцеголовые», как говорит... а вы все равно

не помните. Меня зовут Резник Владимир Романович, я ваш огромный фанат, а в чем-то – духовный наставник и сенсей. Это Боря Вайнштейн, врачеватель Платона. А это – наш мистический Аркат Ли, заведующий кафедрой теологии и уфологии.

Платон стрельнул глазами в сторону Мазаева с немым вопросом: «Какой-какой кафедрой?!»

Арсений едва заметно пожал плечами, показывая, что впервые слышит о ней. Вообще, Мазаев, который всю экскурсию сыпал шутками и явно радовался обществу воскресшего Платона, в кабинете Резника как-то сдулся. А Резник словно не замечал Арсения и говорил только с Платоном:

– У нас тут большая проблема: горят сроки по разработке Маркетингового Шлюза Данных. Вы, наверное, не помните – что отдельная проблема, – но это проект для нашей правящей партии, для Союза Нерушимых. И лично для... – Резник указал пальцем на портрет на стене. – Вы, Платон Александрович, вели данный проект. А сейчас, к глубокому нашему прискорбию, не можете, несмотря на все наши старания. Проблему нужно решать. Если у вас есть свои варианты, то мы их с искренней радостью рассмотрим. Если нет, то нам есть что предложить.

Идей у Платона Девонского не было.

Резник говорил и говорил, тараторил и тараторил. Наверное, с полчаса. Лица всех присутствующих приобрели налет мученичества от перегрузки информацией. Но надо от-

дать должное, Владимир Романович кратко изложил огромный пласт истории последних месяцев. В голове Платона добавились недостающие кусочки пазла.

Выходило, что и правда на Девонском лежала большая задача: создать канал данных для Минпромторга. Серверы дата-центра содержали информацию о покупках, предпочтениях, финансовом благополучии и истории потребительских поисков всех жителей России. Маркетинговый Шлюз, модуль Каиссы-2, должен был структурировать эту информацию и отдавать наружу по подписке, вместе со сводными отчетами и системой рекомендаций по продвижению товаров и действиям на рынке. Так как ни одна внутренняя система ни одной торговой площадки не обладала такими мощностями и полнотой данных, какими обладала Каисса-2, любой магазин, ретейлер, маркетплейс – да любая коммерческая организация – отдали бы государству огромные деньги, только бы иметь к ней доступ.

Платон почти закончил этот проект, но вот беда – попал в ДТП. А работал над проектом Девонский практически в одиночку. Те немногие программисты и аналитики, которые ему в этом помогали, уже были опрошены людьми Резника, но их общие знания были фрагментарными и в единую картину не складывались. Нароботок Платона нигде не было, их словно кто-то тщательно удалил. А нынешний восстановленный Девонский мучился от амнезии и ничего не помнил. Борис сказал, что восстановить память медицинскими

способами не получится. Если она и восстановится, то сама по себе и непонятно когда.

Дальше Резник начал нести откровенный бред, хотя люди в комнате – а это, среди прочих, опытный ученый Мазаев и медик Вайнштейн, которые должны быть по природе своей скептиками, – относились к его словам, по-видимому, вполне серьезно. Или притворялись в угоду чину, кто знает.

В общем, Платону предстояло вернуться на тридцать лет в прошлое и отыскать записи о проекте, потому что идея и даже большая часть реализации Шлюза появились еще в тридцатых годах. Но тогда проект не был поддержан Партией Равенства, решающей более насущные задачи, связанные с созданием Наблюдения, проектом Декриминализации и борьбой за власть с образовавшимся в то время Союзом Нерушимых. Все силы тогдашнего Бюро были брошены на укрепление фундамента этой политической пирамиды Маслоу – выживание режима и поддержку его реформ.

Платон сначала в изумлении подумал, что уже изобрели машину времени, а может, и телепортацию. Или даже колонизировали какую-то планету, покорили космос. Сам Дево́нский этого не помнил. Но ведь могли – поставили же его как-то на ноги с помощью геной инженерии, а это тот еще вызов для науки. А Метавселенная Наблюдения? Технический шедевр! С другой стороны, вся эта бюрократия вокруг, все эти обшарпанные здания, благоговение перед портретами политиков на стенах, люди в разящих потом черных рубашках...

Ну никак это не вязалось с образом футуристической России, по которой люди перемещаются на летающих автомобилях.

И действительно, перемещение во времени предлагалось выполнить с помощью откровенной эзотерики – через аномальную зону, обнаруженную кафедрой Ли.

Кусочки мозаики снова начали выпадать из головы Девонского.

Дали слово Ли.

Это было нудно.

Даже тяжелее, чем монолог Резника.

Аркад был одет как какой-то экстрасенс, в обтягивающий черный халат до колен. Черные длинные волосы были заплетены в толстую косу, виски немного тронуты сединой. И бижутерия: кольца на каждом пальце, браслеты, ожерелья. Сверху халата был накинута бордовый жилет крупной вязки. Казах говорил низким замогильным голосом, растягивая слова и коверкая их акцентом. Словно мантру читал:

– Многомировая интерпретация Хью Эверетта дала нам вдохновение, и мы рассматриваем мультифрактальную модель окружающей Вселенной...

В голове Платона поднялась аура мигрени, большую часть смысла из речи казаха он потерял уже на первых фразах. А тот говорил и говорил. Про тропинки фрактальных миров, про деревья времени. Что Вселенная строится по мо-

дели фрактального самоподобия по принципу развивающейся сложности. Что мы тоже подобны Богу – если он есть – как тот же фрактал. «А что, если вся окружающая природа – это такой же искусственный интеллект, как и наша Каисса-2?» – вопрошал Ли, глядя сквозь присутствующих леденящим взором умалишенного. Словно прямо сейчас он видел те миры, про которые тут излагает. На секунду Платону показалось, что глаза казаха стали полностью белыми и даже начали светиться, но тот моргнул – и вернулись нормальные глаза, голубой и карий, и взгляд, мечущийся в поиске зависшего за глухими пластиковыми окнами кабинета НЛО.

Конченный мракобес.

Бюро уже скоро полвека, Каисса-2 и ее предшественница Каисса перемалывают данные уже не первого поколения россиян. Всех загнали под колпак, вложили нереальное количество денег. И все это для того, чтобы такой персонаж тут стоял и вещал о всякой ереси. Тут! В обители науки и здравого смысла. Кафедра уфологии? Серьезно?! Платон негодовал. Казалось, что его, без памяти, привели сюда поиздеваться. Надежда на то, что физики обуздали время и где-то за стенкой притаилась ТАРДИС или DeLorean, испарилась, и от этого болела голова и накатывала досада.

«Теория квантового сознания Пенроуза и Хамероффа...»

«Опыты показали, что квантовая материя на некотором уровне течет как в будущее, так и в прошлое...»

«Стрелу времени вот-вот опровергнут...»

«Вселенная состоит из бесконечного количества фракталов...»

«Еще в двадцатых годах физики под руководством Риккардо Комина обнаружили фрактальную природу квантового материала...»

Аркад Ли скороговоркой выдавал слова и термины из области физики, которые вместе подводили к следующему: в Тверской области, где проживал Платон в тридцатых годах и где он проделал львиную долю работы над Маркетинговым Шлюзом, есть аномальная зона. Сандовский треугольник¹⁷ между тремя селами, где испокон веков люди пропадают. Он такой аномальный, потому что в нем есть лесной массив, являющийся фрактальным природным объектом. Поэтому там временная червоточина. Точных ее координат нет, но есть примерные. Платону нужно туда поехать, идти долго вдоль массива. И он попадет в прошлое, где сумеет поработать и восстановить свои труды, а может, и память. И таким же образом вернуться.

И все, легче легкого. Звучит как отличный план.

Платон ушам своим не верил. Но тем удивительнее было, что остальные воспринимали бесноватого завкафедрой все-

¹⁷ Сандовский треугольник – предполагаемая аномальная зона в северной части Тверской области, в Сандовском районе, между селами Тухани, Соболины и Сосновец. Свидетельства очевидцев говорят о том, что в этом районе останавливаются часы, наблюдаются сбои приборов, появляются неопознанные летающие объекты, а люди теряют ориентацию в пространстве и времени.

рьез. Правда, они уже вряд ли улавливали его сигналы из космоса. Сначала из кабинета ушел Вайнштейн, сославшись на срочный вызов из госпиталя. Потом Резник: «Вы тут погружайтесь, у меня параллельная встреча в переговорке». И Арсений туда же: «Ой, да, у меня тоже встреча, хорошего дня, коллеги».

Девонский остался с Ли наедине.

Аркад поменялся на глазах, когда все вышли. Его шаманское неистовство вдруг выключилось, как будто актер закончил играть свою роль. Вновь проявился приветливый мужчина. И совсем даже не шизанутый. Он с улыбкой поблагодарил за внимание, дежурно поинтересовался, есть ли вопросы, и вернулся в свое кресло. Повисла неловкая пауза. Платон не хотел говорить ни о чем, для него это было какое-то представление, настолько гротескное, что просто в голове не укладывалось.

– Платон Саныч, ты чего такой злой, а? Я что-то не то сказал? – спросил Ли.

– Аркад, верно? Напомните, пожалуйста, где вы учились, в какой вы сейчас должности? – спросил Платон.

– Доктор.

– Физмат?

– Теология.

Гнев Платона вдруг сменился на какой-то игривый сарказм, подсказывающий, что настоящему ученому на гумани-тари-ев злиться несолидно. Поэтому он решил говорить мак-

симально вежливо и узнать подробности, авось поднимет настроение:

– Могу я посмотреть на научное обоснование вашей теории? Вы ее проверяли экспериментально? Пожалуйста, я хочу увидеть хоть какие-то цифры, что-то, что можно «пощупать». Извините, но мой скепсис несложно понять, я надеюсь. Я не очень соображаю в текущем состоянии... Вы помогли бы, если показали бы формулы и методологию.

– Нет формул, нет методологии строгой, Платон Саныч.

– А что есть?

– В разработке все.

У Девонского было на лице написано: «Кто бы сомневался...»

– Платон Саныч, я понимаю, ты физик...

– Я больше по прикладной математике.

– Неважно. Я тоже когда-то давно по прикладной математике был. Ты, наверное, думаешь, что я бесноватый какой-то. Обскурант. Что представление тут устроил.

– И в мыслях не было.

– Ну по сути так и есть, если честно. Дотаций на нашу кафедру от аппарата никаких. Не дают, Платон Саныч. Нам как жить, а?

– Так а что вы в физику-то полезли? Исследовали бы свое... – Платон скорчил рожу и, пародируя бабок в церкви, размашисто перекрестился.

– Зря ты так, Платон Саныч. Я тебя знаешь как уважаю.

Когда Владимир Романыч на совете вопрос поднял о том, как память тебе вернуть, я сразу подорвался. Вот сразу. Теория эта наша еще в разработке, слишком свежая.

– Благодарю, конечно, но...

– Я скажу, Платон Саныч. Вот физика не научилась за столько лет посылать людей назад во времени. Ну... и мы не научились, тоже согласен. Но шансы у нас, у паранаук, есть. И Каисса-2 помогла твоя в этом. Мы программу написали, на бигдате запускали, все пропажи людей за несколько сотен лет изучили, карты строили. А ведь за последние сорок лет данных вообще целое море!

– И что Каисса-2 сказала уфологам?

– А то и сказала, что невозможно ничего обсчитать. Если человек пропал тут, а возник где-то там, то это для нее баг какой-то или сбой. Никаких моделей и расчетов нет. Мы на кафедре вручную все данные сводили. И построили карты аномальных зон, где люди пропадают или появляются. И ездили разговаривали с некоторыми даже.

– Так, может, и правда сбои?

– Лично говорил с некоторыми ребятами, которые переместились. Рассказывали, как шли вдоль реки какой или по лесу и во времени проваливались натурально. Столько пришельцев из прошлого, с ними говоришь и веришь им, невозможно такое подделать, я честно говорю.

– Может, это тоже... уфологи? – ухмыльнулся Девонский. – Вы там с ними не в желтых домах общались?

– Ну... да, в психушках. Неважно! Мы вообще чего только не изучали. Выигрыши в лотереи, длинные серии побед у букмекеров. Даже фольклор подняли.

– Допустим. Но откуда вся ваша терминология, всякие квантовые материи? Это схоластика в чистом виде. Вы вообще понимаете, что такое фракталы, что такое мультифракталы? Почти все природные объекты самоподобны. Вы говорите, в треугольнике Сандовском «фрактальный» массив лесной – так любая лесная граница фрактальна. И береговая линия. Это биофракталы, их давно уже в играх используют для генерации. Зачем вы их за уши притягиваете-то?

– Платон Саныч, вот окажешься в прошлом, встретишь себя молодого и поверишь мне. Скептицизм – это узость мышления.

– То есть про парадокс Полчинского¹⁸ и парадокс убитого дедушки¹⁹ вы тоже не слышали?

¹⁸ Парадокс Полчинского – парадокс, предложенный американским физиком-теоретиком Джозефом Полчинским, использующий предположение о возможности путешествий во времени из теории относительности Эйнштейна. Парадокс описывает причинно-следственную петлю на примере бильярдного шара, который посылается во временную червоточину и затем попадает на полсекунды назад, сталкиваясь со своей версией из прошлого и препятствуя ее вхождению в червоточину. Интересно, что в парадоксе используется физическое взаимодействие двух версий одного объекта, что не позволяет строить контргипотезы о мультивселенных.

¹⁹ Парадокс убитого дедушки – логический парадокс, связанный с путешествиями во времени, описанный в 1933 г. Натаниэлем Шахтером в рассказе «Неосторожный путешественник». Если человек вернется в прошлое и убьет своего дедушку, то не родятся ни его родители, ни он сам. Но тогда некому будет возвра-

– Слышал.

Аркад сидел покрасневший, расстроенный. Непонятно, чего он ожидал, когда пришел сюда разглагольствовать. Но козырь у него был. Пусть не научный, но чисто бюрократический:

– Платон Саныч, ты не обижайся, но Резнику идеи нашей кафедры нравятся. Так что в Тверскую область ты поедешь, уж извини. Ничего страшного в этом нет. Развеешься, командировку оплатят. Или у тебя есть другие идеи?

Идей у Платона Девонского не было.

Платон вышел из Администрации и в размышлениях направился в сторону НИИ.

Кафедра теологии и уфологии... Подумать только! Должно быть, там в сотрудниках – целый зоопарк мнимых нонконформистов. Да туда работать можно пойти только в двух случаях. Если до спазмов в кишках хочется быть модным и не таким, как все. Или если мозгов не хватает для нормальной науки. Вот и трудятся там трухлявые панки, вечнозеленые хипстеры да... такие, как Аркат... анимешники какие-нибудь. Наверное. Они думают, что кольцо в носу,

щаться в прошлое и убивать дедушку. Парадокс используется как доказательство невозможности путешествия во времени. Но существует квантовое решение этого парадокса, согласно которому все события прошлого находятся в состоянии суперпозиции, так что действия путешественника во времени в прошлом не коснутся его настоящего. Также есть гипотеза, что факт путешествия в прошлое создает альтернативную линию времени.

шарф, вызывающий припадки у эпилептиков, или посещение художественных курсов возвышают их над серой массой и дарят оригинальность. А на самом деле это просто ханжество, лицемерие и позерство.

Студент, который корпел над книгами и не покупал экзамены. Служащий, получающий удовольствие от своей работы и делающий ее честно. Поэт, художник, музыкант, любящий творчество в себе, а не возможность громко назвать свое призвание при незнакомках. Да просто человек с искренней улыбкой, не обиженный на всех и вся, пусть собирающий марки, но делающий это со страстью. Вот подлинные неформалы нашего времени. Меньшинство, которое умирает. Все умирает. Да и Девонский сам вон тоже таблетки ест горстями – Боря говорит, что Платона хватит инсульт без разжижающих кровь препаратов и еще целого списка медикаментов.

Платон умрет, а такие, как Ли или Резник, будут жить. Несправедливо.

Девонский видел науку как безумного, но гениального композитора – нельзя разобрать, что он пишет в нотной тетради, трудно понять, как он настраивает инструмент; но вот он откидывает фалды фрака, садится за рояль и начинает играть музыку, рвущую сердце. А теология и уфология представлялись Платону разве что сельскими балалаечниками.

Платон пересек небольшой скверик – и ощутил дежавю.

Сегодняшний день подарил много августовского солнца, пробивающегося сквозь небольшие облачка и заливающего теплом уютный дворик НИИ. Наверное, в воздухе сейчас должно было пахнуть свежестью, прошедшим час назад дождем. Но пахло сигаретным дымом – сотрудники высыпали во двор, чтобы насладиться курением.

Не похожее на обычное обиталище научных умов, здание института завораживало своей красотой. Все современные учебные заведения с начала тридцатых строились по типовому проекту – строгие панельки на манер советских хрущевок. Хотя как раз советские институты подчас имели очень оригинальные формы – монументальные сооружения, похожие на инопланетные корабли или храмы майя. Жаль, что они канули в Лету.

Тем удивительнее, что здание НИИ имени Девонского отличалось столь изысканной архитектурой, вобравшей в себя весь дух футуризма лучших советских архитекторов и их причудливых построек. Настоящий храм науки, пристанище, достойное гениев, похожих на человека, задумавшего эту безупречную конструкцию. В каком сне могут прийти такие плавные и выразительные линии фасада, в какой бригаде найдутся строители, способные так удачно воплотить задумку архитектора в жизнь, отшлифовав камень до идеально округлых форм, – кто бы знал. Большинство сотрудников и студентов, впервые увидев здание, тут же фотографировались во дворике на фоне удивительного фасада с резными

образами великих математиков.

Несмотря на то, что съемка была строго запрещена.

Пожалуй, стоило стереть себе память, чтобы еще раз это увидеть.

С Платоном здоровались все – сначала присматривались, а потом узнавали и начинали сыпать приятными словами, протягивали руки. Настроение Девонского улучшалось с каждым шагом – через дворик с фонтанами, через мраморную входную группу с вращающейся вокруг своей оси пятиметровой дверью, по дубовой лестнице на второй этаж. Платон вошел в свой залитый солнцем кабинет, светлый и уютный.

На белом столе лежали хорошо зачитанные книги по физике и несколько ноутбуков разных годов выпуска, были разбросаны бумаги, пылилась кучка мобильных телефонов. На стеллажах валялись какие-то чипы, десятки разобранных дронов, кусочки магнитов, оптика, инструменты и снова телефоны. Даже печатная машинка затесалась. Тумбочка возле стола не закрывалась – вещи в нее были напиханы как попало. То ли это сам Платон не отличался аккуратностью, то ли люди Резника обыскивали кабинет в поисках наработок по Шлюзу. От этой мысли настроение сразу испортилось. Пожалуй, найди они что-то, Платон до сих пор гнил бы в больнице. Планка настроения опустилась еще сильнее.

Девонский голосом скомандовал включить рабочее место. На стол спроецировалась клавиатура, окна задернулись што-

рами блэкаут, кабинет погрузился во тьму. На стене скрытый проектор вывел изображение симпатичной, пусть и немолодой, светловолосой женщины. Клэр, любимая супруга, чья фотография служила фоном рабочего стола.

Платон не помнил, как всем этим пользоваться, но тело подсказывало. Открылся почтовый клиент. Сотни писем. Из них Платон выделил два: от Арката, недельной давности, когда Платон долеживал свое в больнице, и от Резника, прошедшее только что. В письме Резника был командировочный приказ отправляться в Тверскую область и проводить эксперимент. Послание вежливое, с ободряющими словами, но при этом само по себе ультимативное, словно резиновая киянка для плитки: вроде мягкое, а дашь – мало не покажется.

Сообщение от Арката было интереснее.

Глава 4

From: a.li@бюро. рф

To: p.devonsky@бюро. рф

Subject: Просьба помочь с исследованиями временных аномалий

Здравствуй, уважаемый Платон Александрович.

Не знаю, когда ты прочтешь это послание и прочтешь ли вообще, сейчас ты в госпитале и тебя лечат. Я верю в них и в тебя. Говорят, что твоя память не вернется в ближайшее время.

Знаешь, сейчас мне предстоит работать над новым исследованием. Мы долго собирали информацию о провалах людей во времени. Наверняка ты слышал, что иногда в населенных пунктах появляются странные бродяги, заявляющие, что они явились из будущего или прошлого. Некоторые горожане тоже иногда рассказывают о мистике, связанной со временем.

Например, только вчера я говорил с одним человеком, дальнобойщиком. Он сейчас в рейсе и остановился в Санкт-Петербурге. Клялся, что смог попасть в прошлое и видел там людей на лошадях и в странной одежде, а потом вернулся. Если честно, то я ему не верю – он сам нашел мои контакты и попросил денег за свою историю.

Мистификаторы часто так делают. Но мы – не они.

Кафедры теологии и уфологии открываются по всей стране. И все время приходится работать с неадекватными или просто очень хитрыми людьми, выслушивать их страшилки о призраках или пришельцах. Одних беременных от инопланетян наберется на два роддома. И нельзя их послать – существует предписание от Бюро терпеливо выслушивать всех визитеров, записывать их бред и заносить эту информацию в общую для всех теокафедр базу данных.

Я это озвучиваю, потому что когда ты придешь в себя, то я предстану перед тобой, я – Аркат Ли. И ты, наш руководитель, как яркий представитель официальной науки, дай мне красный свет.

Многие тут, в НИИ, считают, что у нас совсем нет работы. Я уж не говорю о том, что наши ребята не сидят в лабораториях, а ездят по лесам, деревням, аномальным зонам, заброшенным кладбищам и другим местам, в которых можно найти хоть что-то необычное. Я, например, с коллегами-уфологами недавно получил письмо о странных звуках, доносящихся из леса около одной глухой деревушки. С видеозаписью страшного рокота и зеленых вспышек. Оказалось, что в том районе развернут полигон для военных испытаний. Секретных. Нас задержали, хотя могли и пристрелить, а нашему институту пришлось выплатить залог и штраф. Владимир Романович сказал, что это моя первая желтая карточка.

И работают у нас не чудаки и фокусники, а настоящие профессионалы. Психологи и психиатры, общающиеся с визитерами, эксперты по фото и видео, проверяющие подлинность присылаемых материалов (97 % фотографий НЛО оказываются подделкой или, например, снимками самолета или даже стаи летящих гусей). Программисты, имеющие дело с обработкой и хранением огромного объема данных от той же Каиссы-2. И даже гипнотизер-фармаколог – иногда жертва пришельцев только в трансе способна вспомнить подробности произошедшего с ней. Одно время мы даже давали таким визитерам особые вещества для пробуждения сознания, однако из-за этого к нам начали приходить наркоманы. Они выдумывали, что пришельцы похитили их и стерли память, рассказывали небылицы, чтобы наши сотрудники ввели их в состояние транса. Кафедра стала напоминать притон, поэтому я запретил применение веществ.

Тебе, наверное, кажется смешным, что такая большая группа людей вместо того, чтобы приносить пользу обществу, бежит за Несси? Хочу удивить – именно наша кафедра и наши науки могут в один прекрасный момент найти для человечества нечто очень полезное, до чего никогда не дойдут традиционные дисциплины. Хотя вся наша деятельность заключается в сборе, систематизации и анализе любой информации о необычных вещах и явлениях.

Вернусь к разговору о провалах во времени. Пусть дальнобойщик явно врал насчет своего путешествия, да и 99 %

таких людей просто водят за нос общественность (в них играет желание стать знаменитым или чуть заработать на журналистах, а иногда – обычная шизофрения), за последние пять лет я накопил достаточно информации о действительно необъяснимых случаях.

Например, семь лет назад в Бремене полицейские нашли на улице беспризорную девочку. Она плакала, ничего не говорила и была облачена в платье старого фасона. А главное, в ее кармане лежала горсть старинных монет – сейчас такие остались только у нескольких нумизматов в мире, каждая монета стоит целое состояние. Странная девочка с миллионами долларов в кармашке совсем не похожа на мистификацию. Или один гость Лас-Вегаса – мужчина, который говорил всем, что он из будущего. Верить ему начали после того, как он ставками буквально за пару дней опустошил четыре букмекерских конторы и стал миллионером. Журналисты и представители паранаук так и не успели поговорить с ним. Он пропал без вести. Кто-то говорит, что он вернулся в будущее, кто-то – что скрылся и теперь растрачивает выигрыши. Но, скорее всего, с ним просто расправились букмекеры.

У нас в стране тоже наблюдаются такие случаи; например, в Приозерске несколько лет назад за кражу из супермаркета задержали мужчину. Следователи не могли понять, где он проживает, потому что задержанный указывал несуществующий адрес. Психиатрическая эксперти-

за выявила у ворихишки отклонения — на допросах он говорил странные вещи и воспринимал окружающую обстановку неадекватно. Я смог лично пообщаться с ним (тогда я только-только получил степень доктора теологии и уже начал собирать информацию о временных аномалиях).

Психиатр показал мне паспорт СССР, найденный у пациента. Согласно документу, его владелец родился в 1961 году. Но моему собеседнику на вид было не больше тридцати. Толком пообщаться с мужчиной мне не удалось: он находился в состоянии стресса, а санитары напичкали его лекарствами. По его словам, он пришел в город из своей деревни, чтобы купить еды. Но его деньги здесь почему-то отказались принимать, поэтому он украл несколько бутылок водки и немного продуктов. Я записал маршрут, по которому он пришел в город. На кафедре наши эксперты выяснили, что паспорт СССР — подлинный. Пообщавшись с ребятами с соседней кафедры истории, мы узнали, что названный пациентом адрес действительно существовал когда-то — сейчас там лес. В нем до 87-го года ютилась небольшая деревушка отшельников, которая позже сгорела. В хрониках мы нашли снимки этого поселения, датированные 84-м годом, и на одном из них я заметил задержанного.

За эту неделю, после того как узнал об аварии, я почти не спал и все время работал. Вместе с программистами мы привели к единому виду всю собранную мною и парой зарубежных коллег, согласившихся передать мне свои нара-

ботки, информацию о необъяснимых временных феноменах. Также мы написали программу, которая должна переварить весь этот объем данных и вывести какие-либо общие правила или принципы для такого класса явлений. Программа будет запущена на институтском кластере из мощных компьютеров, понадобится примерно неделя для получения финального результата. Я чувствую, что он произведет фурор в научном мире, хотя и не знаю, что вообще должно получиться в итоге. Сейчас мне нужно выспаться, но я не могу сомкнуть глаз, все происходящее так важно для меня. Я напишу тебе, когда все это закончится. Ты поймешь, как много паранаука может принести. И просто прошу тебя дать нашим исследованиям хотя бы шанс.

Спасибо заранее.

Искренне твой, Аркат

Платон Александрович.

9 августа 2065

На следующий день Платон ехал на заднем сиденье древнего «патриота» по тверской земле. До Сандовского треугольника оставалось минут двадцать.

Девонский не стал сопротивляться командировке, раз она была в угоду Резнику. Конечно, Платону эта идея казалась идиотской. Но хозяин – барин. С руководством вообще спо-

ритель не приходилось. Если подумать, то Аркат, несмотря на его фантазмагорию, молодец. Так выгораживать свою кафедру, так бороться за гранты!..

Платон вспомнил – а воспоминания были редкими гостями в его голове после аварии, – как он сам тяжело пробивался. С самой юности, когда всех его братьев и сестер родители пристроили в дорогие школы, потом – в частные университеты, потом – на хорошие места. Отец был торгашом, деньги водились, и вкладывал он их в свое потомство с остервенелостью и присущим средним умам благоговением перед образованием. Только Платону не помогали никак – считали, что раз он гений, то сам как-нибудь справится. Учился в обычной школе, потом на обычном физмате, начинал работать в обычном НИИ в Твери. Сегодня у его братьев и сестер было богатство и достойная жизнь таких же, по сути, торгашей. А Девонский был нищ, несмотря на статус одного из самых влиятельных ученых в Бюро. К своим пятидесяти двум он покорил все мыслимые вершины научной деятельности, но у него не было почти ничего, кроме таблички с именем на входе в НИИ и пожизненного статуса невыездного (из-за «секретки»).

Так что если простой прогулкой по лесу Платон подарит Ли и его команде фантазеров немного дотаций от руководства, то... почему бы и нет. Милостыня бедным уфологам.

Приехали. Полпятого. Августовское теплое солнышко на чистом небе, мягкий ветерок.

Водитель, хмурый эфэсбэшник с седыми густыми бровями, отдал Девонскому его рюкзак со всяким туристическим скарбом, провизией, лекарствами, ноутбуком и фотоаппаратом. Идти нужно было одному. Платон так и не успел раздобыть другую одежду и был облачен в те же джинсы и свитер, разве что ему выдали большие резиновые сапоги на смену ботинкам. Косуха была повязана вокруг бедер. Со лба Платона струился пот, но свитер он решил оставить, потому что ненавидел мошкару.

Треугольник представлял собой территорию между селами Сосновец, Тухани и Соболины. Платон нацепил очки дополненной реальности, чтобы видеть маршрут, составленный Ли: три километра вдоль линии соснового бора, затем свернуть вглубь – и еще два километра. Там располагался древний курган, в районе которого люди исчезали аж четырнадцать раз за последние пятьдесят лет. И два раза из этого бора выходили странные люди, утверждающие, что они из будущего. Доказательств, естественно, не было.

Всюду летали дроны, лавируя между деревьями. Это успокаивало. Вчера вечером Платон, еще на Котлине, несколько раз прошел этот маршрут в Метавселенной Наблюдения. Какая же крутая штука! Подробная, неотличимая от реальности виртуальная карта помогла убедиться, что по пути нет ни болот, ни оврагов, ни других опасностей.

Через полтора часа Девонский приблизился к кургану.

Шагалось бодро, настроение – отличное. Физическая форма после мутаций улучшилась, и тяжелый рюкзак казался перышком. Платон то и дело останавливался и делал красивые фотографии – бор был густым, тенистым, повсюду весело жужжали дроны и пели птицы.

Сумерки рухнули на землю, как опустившийся занавес. Как будто кто-то выключил свет. В августе вообще-то в начале седьмого еще светло, но казалось, что наступила ночь. Ветви сосен сомкнулись в арку – может, они создали такой эффект? Подул холодный ветер, такой, что даже в свитере стало зябко.

Курган должен был быть здесь, очки показывали, что Платон уже на месте, но он все еще шагал по узкому сосновому коридору. Прошло еще минут десять. Девонский продвигался вперед, надев косуху и включив фонарик. Луч выхватывал земляную тропинку.

Раздался гром, по кронам деревьев зашумел дождь. Так вот почему так потемнело. Платон должен был докладывать эфэсбэшнику о своем состоянии каждые полчаса, но ни мобильник, ни рация не работали. Наконец очки отрапортовали о севшей батарее и выключились, хотя заряда обычно хватало недель на пять.

Видимо, дождь был сильный, потому что даже сквозь плотную крышу из крон пробивались редкие крупные капли. Платон расположился под увесистой лапой огромной сосны и проверил рюкзак. Ноутбук и фотоаппарат не включались.

Механические часы на руке остановились, стрелка компаса же, наоборот, бешено раскачивалась из стороны в сторону.

Девонский сидел на мощном корне и невозмутимо распаковывал протеиновый батончик. То, что повергло бы в панику какого-нибудь уфолога, парапсихолога или иного охотника за привидениями, в разуме физика получило вполне будничное обоснование: это или магнитная аномалия, или сбой из-за вторичного влияния молний, всполохи которых иногда освещали бор. Резкое наступление мглы объяснялось тучей, которой не было видно из-за деревьев, но очевидно, что она нависла над головой, раз такой дождь. Дронов, кстати, тоже не было, но и это легко объяснить – алгоритмы Каиссы-2 загоняли их в укрытия во время ненастья, чтобы те не пострадали.

Платон доел, натянул припасенный на всякий случай дождевик – вдруг будет открытая местность. Двинулся дальше. Действительно, деревья стали редеть, из-за чего дождь стал ощущаться сильнее. Только сейчас стало понятно, что идет настоящий ливень, сплошным потоком. Небо со страшным треском прорезали две молнии и, свернувшись в два шара, тотчас же на высокой скорости улетели за деревья. Фонарик отключился, но и сень деревьев закончилась, так что в целом стало даже чуть светлее, несмотря на грозное небо. Вот только видимость была очень плохой из-за пелены дождя.

Сплошная, до горизонта, туча была испещрена ярко-фиолетовыми прожилками, подчас кислотного цвета. Платон

никогда не видел такого необычного оттенка, но это вполне объяснялось механизмами рассеивания света. Красиво, конечно.

Девонский вышел на опушку и увидел курган. С расстояния в сотню метров это было просто большое темное пятно, словно какой-то динозавр за ливневой стеной. Но по мере приближения динозавр превратился в крупный холм, обнесенный мощными валунами. Как те, что в стене, окружавшей территорию Бюро. Слева показались непонятные столбы – должно быть, там находился вход.

Платон подошел туда и убедился: это были вкопанные бревна, точнее, их верхние концы – курган был утоплен в землю на пару метров. Место входа было разрыто бульдозерами – на земле виднелись глубокие следы от гусениц и полосы от ковшей. Между двумя рядами бревен вниз уходили земляные ступени. Ближе к кургану над ними нависала пологая крыша из досок, обмазанная глиной и покрытая сосновыми ветками. Все это вместе выглядело как огромное крыльцо. Построили удачно – потоки ливня бежали по скатам в стороны и попадали в вырытые глубокие желобки, которые отводили воду. Поэтому располагавшийся между двумя валунами узкий проход внутрь кургана, который начинался под крышей и напоминал вход в пещеру, не был затоплен.

Платон обвел взглядом курган, заметил неподалеку от входа металлические колышки от палатки, а на самом кур-

гане – археологическую разметку, уходящую на самый верх. Ливень лупил в лицо и стекал по нему под ворот дождевика, так что уже вся косуха промокла и стало совсем холодно. Нужно было укрыться от ненастья, и Платон, спустившись по ступеням, оказался под крышей, а затем прошел внутрь кургана. Там была кромешная тьма, только блики молний высвечивали матерные надписи краской из баллончиков на камнях. Через два метра вглубь проход оканчивался завалом, поэтому Девонский так и остался возле входа.

Снаружи гремело, полыхало, в пещеру вползали фиолетовые сумерки и останавливались перед мраком кургана. Платон сел на рюкзак, открыл еще один протеиновый батончик, достал термос с остывшим кофе и флягу с коньяком. Места комфортнее сейчас не было во всем мире.

Платон сидел во тьме кургана и гипнотизировал кислотно-фиолетовую дымку на входе. Времени прошло немного. Столько, сколько занял перекус батончиком, пара глотков коньяка, прием таблеток и опустошение термоса с кофе. И еще чуть-чуть. Когда Девонский нагнулся к рюкзаку, очки дополненной реальности упали. И пропали – Платон шарил по песчаному полу своего укрытия и никак не мог нащупать девайс, хотя все пространство было около четырех квадратных метров, не больше. Когда он поднял голову, то увидел, что от входа в курган тянутся лучи солнца и красиво рассеиваются в поднятой пыли. Дождь закончился.

Платон упаковал свои вещи. На очки решил махнуть ру-

кой. Поднялся по ступеням. Снаружи был теплый летний вечер, свежий воздух, лужи. Клоунский нос предзакатного солнца над горизонтом. Вбитые колышки палатки недалеко от входа и ровная стежка геологических меток на травяном шатре кургана, ползущая к вершине.

Ничего не изменилось.

Часы пошли. Компас перестал биться в конвульсиях, но сломался – восток у него теперь был аккурат в стороне запада, где сейчас готовилось приземлиться солнце. Видимо, временное помешательство приборов действительно случилось из-за грозы.

Нужно было возвращаться к машине. Маршрут Платон помнил хорошо. Вряд ли на обратном пути притаилась кротовая нора в прошлое или будущее.

Эксперимент Арката Ли официально провалился.

Вот Платон пошел налево от входа, обогнул курган, оказался на краю опушки, нащупал тропинку в бор. По мере продвижения вглубь деревья начали расти гуще и образовали сень. Вот несколько потемнело под сплошными кронами деревьев. А вот – и это изрядно удивило Девонского – стали попадаться лежащие в лужах на тропинке дроны.

Это были дроны старой модели. С две тысячи сорокового года таких не производили. Величиной с ладонь, в то время как современные квадрокоптеры имели размер около трех сантиметров – немногим больше вложенной внутрь пули. Каисса тех годов, еще не Каисса-2, а первая версия, не пря-

тала дронов в укрытия, поэтому они часто разбивались порывами шквального ветра или сталкивались с препятствиями из-за помех, вызванных молниями и плохой видимостью.

Должно быть, местное правительство использовало еще старые резервы техники Наблюдения и Информирования. Это было хорошим объяснением, но Платон все равно начал нервничать. Он сделал привал, чтобы проверить, не восстановилась ли работа ноутбука или мобильного. Не восстановилась. И тут из чащи послышался дикий вой, непохожий на вой ни одного животного. Не помня себя, Девонский побежал со всех ног по тропинке. Вой повторился, но уже тише.

Десять минут спустя Платон выдохся. Раскрасневшийся, он стоял и переводил дух, оперевшись на толстый сосновый пенёк. Кажется, его никто не преследовал. Рюкзак со всем содержимым остался на месте привала. Было очень досадно, но возвращаться Девонский не отважился бы ни за что. Вой – может, это вообще какое-нибудь дерево упало, мало ли в лесу звуков – больше не повторялся.

Платон прибавил шаг. Он совсем вымотался: промок под дождем, прошел почти десять километров, испугался странного воя, долго бежал, потерял очки, рюкзак. Еще и дроны эти дурацкие старые повсюду валяются, при этом новых наблюдателей после грозы не встретилось ни одной. Как будто и впрямь попал в прошлое. Понятно, что это все самовнушение. И вообще, затея изначально дурацкая была. Пошел на поводу у каких-то уфологов. А Аркат этот, вдруг всплыло

воспоминание, вообще когда-то сидел в местах не столь отдаленных. Не удивило бы, если за мошенничество! Платон по приезде напишет на них жалобу, уж будьте добры. И лично проконтролирует поставку в Сандовский район большой партии новых дронов, а то старый парк наблюдательной техники – это же позор!

Платон вышел из бора и только сейчас заметил, что солнце как будто стало ярче. Оно больше не было закатным, оно поднималось! Странно... Часы показывали начало восьмого, но вряд ли они шли корректно: стрелки стояли как минимум все время, пока Девонский сидел в кургане. А может, они тоже сошли с ума, как компас.

Нужно было возвращаться к исходной точке. Успокоить эфэсбэшника, загрузиться в машину, узнать верное время. И – домой. Принять душ, поваляться. Платон старался сосредоточиться на шагах и на щедрых командировочных. Это помогало сдерживать необъяснимую тревогу до той поры, пока Девонский, спустя без малого час, не вернулся к исходной точке.

Ни «патриота». Ни эфэсбэшника с бровями.

Солнце, кажется, совсем передумало садиться и пропускать такое шоу: висело еще выше, слепило Платона зайчиками, щекотало нос и смеялось в лицо.

Подлетел чудом уцелевший дрон старой модели. Направил объективчик на Платона.

– Чтоб вас черти драли! – крикнул ему Девонский.

Глава 5

Платон Александрович. [Данные о времени повреждены]

Девонский, когда ехал на точку старта, видел указатель на какой-то населенный пункт. Сейчас Платон брел вдоль кромки соснового бора в его поисках. Через пару сотен метров бор перешел в лесополосу, а еще через пару сотен Девонский нашел этот указатель: «д. Соболины, 2 км». Пешком легко дойти. От деревни Соболины было километра три до Сандова, административного центра, откуда автобусом можно добраться до Твери за пять часов.

Платон подумал, что зря Аркат так мучится с поиском аномальных зон, в которых время ведет себя странно. Ведь можно просто выбрать любой некрупный город и убедиться: время в нем замедляется. Из Сандова в Тверь ходили те же неторопливые и проржавевшие автобусы, с того же чуть ли не советского автовокзала, а может, даже с теми же водителями – Платону не раз доводилось встречать вековых старцев за баранкой трухлявых пазиков, – что и в далеком детстве Девонского, когда он с братьями приезжал сюда из Твери на ярмарку меда. Зато из Твери в Санкт-Петербург от-

правлялись маглевы²⁰ и сверхскоростные пассажирские катера по Волге.

За мыслями Девонский не заметил, что наступило утро – теперь это было очевидно. Платон прикинул: на маршрут он зашел в полпятого вечера, шел полтора часа, пока не начался дождь. Не сразу нашел курган, потом сидел в нем какое-то время. По расчетам сейчас должна быть ночь. Но солнце поднималось, а лес пробудился и распевал бодрые гимны головами птиц.

Аркад говорил, что в аномальных зонах люди «мистическим образом» теряют ощущение времени. Но Платон сообщил, что его могло просто разморить в кургане от коньяка и таблеток. И никакой мистики – он просто проспал всю ночь. Поэтому и эфэсбэшник уехал, чего ему ночевать на точке старта.

До Соболин Платон добрался за полчаса – справа от лесополосы показался виток асфальтированного шоссе, на горбу которого расположилась кучка деревенских домов, будто с картин Сурикова, обрамленных песчаной дорогой. По пути в деревню встретилась пожарная машина, стоявшая у деревьев. Пожарные снимали с сосен застрявших дронов и складывали в автомобиль, чтобы отвезти на починку.

Нужно было добыть воды, найти телефон. Если удастся вызвонить эфэсбэшника, чей номер не полагающийся на

²⁰ Маглев (от «магнитная левитация») – сверхскоростной поезд на магнитной подушке, развивающий скорость до 600 км/ч.

свою память Платон записал на руке маркером, то есть шанс, что «патриот» заберет Девонского из Соболин. Если нет – придется добираться до Питера самостоятельно, начав свой путь с Сандова.

Местный «супермаркет» располагался в кирпичном кубе вроде трансформаторной будки с обшарпанными стенами и вырезанной на куске выцветшего линолеума надписью «Продукты» над входом. На прилавке был выложен рядок хлебных буханок, стоял алюминиевый тазик с заветренным мясом, на котором мухи с деловитостью древних ацтеков строили цивилизацию. Позади возвышался стеллаж с нехитрым товарным набором: консервы, бутылки воды и водки, посуда, веники и конфеты. За прилавком, оценивающе и недоверчиво глядя на чужака, стояла владычица сего заведения, продавщица бальзаковского возраста, в синем фартуке, с черной копной волос и огромным бюстом. Завершали этот не то натюрморт, не то портрет здоровенные советские треугольные весы.

– Здравствуйте, дайте, пожалуйста, две пол-литровых бутылки воды, «Сникерс» и пачку сигарет, самых дорогих, – сказал Платон. – И пакет, пожалуйста. И зажигалку, самую дешевую.

– С вас полторы тыщи, – продавщица поднесла к предплечью Платона терминал.

Невозможно выполнить оплату.

Чип с цифровыми рублями недоступен.

– У вас что-то с чипом, – сказала продавщица.

– Я не чипирован. А у вас разве нет оплаты по отпечатку пальца?

– Чего?

– Или по цепочке ДНК... По Face ID?

– Вы что выдумываете! Оплата по чипу, как везде! Вы из Обители, что ли, мужчина?

– Да. – Платон интуитивно понял, что нужно соврать. В таком медвежьем углу из-за отсутствия чипа могли сдать полиции. Если ты не из Обители, которая как раз находилась где-то неподалеку, в Сандовском районе.

Уже к вечеру можно было закончить весь этот цирк в горячей ванне в своей питерской квартире, поэтому явно не стоило попадать в КПЗ в Соболинах.

– Обительских кормят в часовне, она за углом. Идите туда, там бесплатно. Мы не обслуживаем без чипов, мужчина, меня оштрафуют, тут везде камеры!

Из часовен или церквей, при должной подозрительности настоятеля, тоже был риск уехать на машине ППС, но уже в Обитель.

– А я могу выменять эти продукты на часы или компас? Пожалуйста, – попросил Девонский.

– Компас хороший. Сразу видно – армейский. Возьму мужу, он охотник. Хотя нет! Часы вроде дороже – возьму их. «Победа». Ладно, берите продукты. – Часы исчезли в недрах фартука.

Платон взял пакет, развернулся. И тут его взгляд выхватил календарь, висевший на двери. Красный пластиковый квадратик стоял на «10». В заголовке календаря значилось «2035. Август».

Мурашки пошли по телу Девонского.

– Подскажите, пожалуйста, от вас можно позвонить? Я друга ищу, а телефон остался... в Обители.

Номер эфэсбэшника был недоступен: «Абонент с данным номером телефона не зарегистрирован». На календаре телефона тоже было десятое августа две тысячи тридцать пятого. Это вызвало у Платона волну паники. Попрощавшись с продавщицей, он вышел из «супермаркета» и запалил сигарету. Сколько раз он пытался бросить курить – и вот, сорвался опять, спустя полгода.

По деревне ходили полицейские и собирали павших дров, запихивая их в пакеты. Квадрокоптеры отвезут в местное отделение Департамента Наблюдения и Информирования, где их восстановят и вернут на улицы.

На обшарпанной стене магазинчика был наклеен десяток одинаковых плакатов:

Только в это воскресенье, 12 августа, в Сандовском Доме Культуры.

Шансонье Аргинин Осипов с новым репертуаром и новой программой «Дожить бы до зимы».

Приходите!

В голове Платона вспыхнуло обрывочное воспоминание – в тридцать восьмом или тридцать девятом этот Осипов погнался за дроном, случайно залетевшим в номер отеля, и выпал из окна с седьмого этажа.

– Недолго тебе петь осталось, Аргинин. Не доживешь ты до зимы, – пробормотал Девонский и нервно рассмеялся.

Платон Александрович. 10 августа 2035, пятница

Платон стоял и курил у подъезда одного из зданий Морозовских Казарм в Твери.

До Сандова пришлось добираться пешком. До Твери – на попутках. Заплатить за проезд в автобусе не удалось: везде нужен был чип, который из руки Девонского выковыряли еще в сорок девятом, когда от чипирования отказались – наблюдение отлично велось и через сеть дронов, а платежи осуществлялись другими бесконтактными способами. Для мониторинга здоровья использовался индивидуальный генетический паспорт.

Любой дрон мог сесть на голову, зацепить волос или забрать слюну, чтобы просканировать ДНК. Десятилетиями спецслужбы собирали генетические данные граждан, формируя огромный ген-банк. И Каисса-2 достигла таких мощностей, что смогла работать с этим банком. В режиме реального времени нейронная сеть пробегала по цепочкам

ДНК целого генеалогического древа нескольких поколений и имитационным моделированием скрещиваний могла получить генотип, а фенотип определялся искусственным зрением дронов. Так что даже однойцевым близнецам не нужно было носить чипы.

Платон воспринимал микросхемки в руках как какую-то дикость, ошейник цифрового концлагеря сороковых. Себя же он чувствовал кроманьонцем, вышедшим на охоту в бескрайние бетонные джунгли – в отсутствии чипа, документов и денег была какая-то первозданная свобода. Наверное, что-то подобное испытывают нудисты на пляже, сбрасывая одежду. Или жители Обители в своем хиппи-сообществе.

На подкорке иногда свербила мысль, что это все иллюзорно, ведь на деле чипы просто сменились технологиями поновее и у каждого по-прежнему осталась зависимость от материального и бюрократического. Между гражданином и властью канцелярии всегда есть связующая нить, так уж заведено. Когда она превращается в поводок – это несвобода. Когда она рвется – это тоже несвобода, как бы неолибералы ни утверждали обратное. Потому что нить удерживает гражданина от попадания в андеркласс. Подлинная свобода – это когда нить незаметна настолько, что мысль о ней можно отогнать глубоким вздохом. И Девонскому это удавалось – дышать полной грудью и таким образом держать хрупкий баланс свободной личности, не сваливаясь ни в контркультурщину, ни в протест, ни в ура-патриотизм, не быть ни па-

лачом, ни жертвой, не поддерживать и не нуждаться в поддержке.

Точно так же, глубокими вздохами, Девонский отгонял мысль, что он вдруг скакнул из шестьдесят пятого в тридцать пятый, на тридцать лет назад. Все признаки казались косвенными – старые дроны, которые были и в Твери, календари, плакаты с мертвыми шансонье. Города в России с годами менялись не так сильно, чтобы распознать по ним разницу в жалкие тридцать и даже пятьдесят лет.

А просто подойти к прохожему и спросить, какой сейчас год на дворе, – так укут в дурку, как товарищей, о которых говорит Аркат Ли. Только сейчас Девонский догадался, что завкафедрой теологии и уфологии сам изначально не верил в свою теорию, раз совершенно не предусмотрел, что она может сработать. В прошлом – если вокруг и впрямь было прошлое – действовать было решительно невозможно: попадись Платон полиции, он сразу бы оказался в обезьяннике, ведь без чипов ходить по улицам «в то время» запрещалось. Расплатиться без чипа тоже было никак. По сути, Платон оказался на дне общества. По щелчку невидимых пальцев голограмма свободы выключилась, сменившись злобной ухмылкой отчаяния, неведомого, как правило, современной цивилизованной личности.

Еще одной проблемой был поиск следов Маркетингового Шлюза Данных. Если это тридцать пятый, то работа над ним уже почти завершена: существует документация и прототип,

где-то Шлюз даже внедрен экспериментально. Но найти данные о проекте не представлялось возможным: только дроны знали, где и что можно отыскать в городе.

«Платон Саныч, вот окажешься в прошлом, встретишь себя молодого и поверишь мне. Скептицизм – это узость мышления», – всплыли в голове слова Ли. Именно поэтому сейчас Девонский и набирался с каждой сигаретной затяжкой смелости, чтобы подняться на второй этаж, пройти налево, до конца длинного коридора и позвонить в ту самую квартиру.

В районе Морозовских Казарм время остановилось намертво. Этот комплекс домов из красного кирпича был построен в конце девятнадцатого века. Он служил исполинским общежитием для пролетариата, работавшего на местных мануфактурах. И до сих пор эти дома стояли и в них жили люди. Микрорайон, заточённый между рекой Тьмакой и железной дорогой, питал воображение местных журналистов. Его называли «фавелами», «гетто», писали, что он вот-вот разрушится, рассказывали о программах реновации жилья, окружали дома ореолом мистики, сплетенным из городских легенд. Но мистического тут ничего не было – Казармы стояли, наполненные нелегалами и неблагополучными жильцами, замусоренные, пропитанные миллионами запахов, плачущие дождевой водой из прогнивших крыш. Из современного тут были только граффити на стенах и – изредка – съемочные группы, гоняющиеся за тяжелым духом

прошлого и желающие заточить его в свои киноленты. Один из домов комплекса был разрушен, и внутри росла целая роща. Во дворах ржавели машины и сушилось белье, звучали ругательства на разных языках, прерываемые стуком колес поездов.

Но Платон чувствовал, что здесь очень хорошее место и тут живут хорошие люди. Ему было спокойно, и Девонский, хотя и не помнил почему, пришел именно сюда, к этому подъезду, отключив все мысли и предоставив ногам самим нести его. Докуривая третью сигарету подряд, он отмечал, что даже разрушенный и антиутопичный Морозовский Городок с исполинскими неоготическими сооружениями выглядит намного эстетичнее, чем стоящие по соседству прямоугольные человеёйники из типовой серии, обшитые разноцветными панелями, будто кто-то сморкнулся на них краской, и входящие в какой-нибудь элитный ЖК с названием вроде «Перспектива» или «Достояние».

Платон забычковал сигарету, взбежал на второй этаж, дошел до смутно знакомой квартиры и, секунду помявшись, позвонил. Дверь открылась. На пороге стоял бледный молодой человек и вопросительно смотрел на Девонского.

– Здравствуйте, я ничего не покупаю, извините... – сказал юноша.

С его правого предплечья сбежала струйка крови и капнула вниз.

– Я – это ты из будущего. – Ничего лучше Платону в го-

лову не пришло.

– Это вряд ли, – ответил юноша и захлопнул дверь.

Глава 6

Матвей.

10 августа 2035, пятница

Сразу после встречи с главредом Матвей разыскал Леху – фотографа и своего лучшего друга. Рубаха-парень, Леха со всеми находил общий язык и пользовался популярностью в Редакции, хотя сам по себе был замкнут и меланхоличен, предпочитал уединение и ни разу не появился ни на одном корпоративе.

Вечно заспанный, с кругами под глазами и бледной кожей. В черном худи, дырявых джинсах скинни, «конверсах» со звездочкой. С сережкой в ухе, кольцом в носу и темной подводкой. Непонятно, откуда он вылез: то ли из фильмов Тима Бертона, то ли из клипа обожаемой им My Chemical Romance, то ли из того далекого две тысячи седьмого, который многие мечтают вернуть по сей день и который Леха застал двухлетним.

Леха и Матвей были из одного теста: два дурачка.

Есть такие люди, вроде неглупые, но какие-то сказочно простые. Наивные, отчасти инфантильные, слишком добрые для этого мира. Не рефлексиируют, книжек умных не читают. Не отстаивают в спорах свою точку зрения, для них все

окружающие – авторитеты и старшие товарищи. А потом такой дурачок скажет что-то мимоходом – и в этом словно вся мудрость мира, словно последний щелчок собранного кубика Рубика. И делают они все просто, без премудростей. И выходит ведь! А как они людей чувствуют...

Воистину простота – самое сложное.

Матвей всегда завидовал самовыражению друга, какой-то внутренней расслабленности, ведь тому никогда не приходилось скрываться за ширмой напускной солидности. Матвей и сам себя несильно любил, а Леха был как кривое зеркало, показывающее нехватку взрослости и маскулинности. Уж слишком они были похожи – даже отношения с отцами не сложились у обоих.

Поэтому фотограф несильно нравился Матвею. Но выбирать не приходилось – свой своему поневоле брат. Познакомились они на факультете журналистики, на дне открытых дверей. Потом оказалось, что живут рядом и им по пути возвращаться после пар – хоть Леха и был старше Матвея на пять лет, учились они на одном потоке. В коллективе все разбились по группкам. И Матвею достался Леха. Так и началась эта дружба. На втором курсе они вместе пошли стажироваться в Редакцию.

Больше всего на свете Матвей ненавидел оставаться в одиночестве. Ему нужно было делиться с кем-то подробностями своей жизни, выносить собственные эмоции на блюдо, озвучивать мысли, оглашать планы в поисках одобрения. Ведь

человеку нужен человек, а дружба – это когда у тебя есть честный свидетель твоего бытия, а ты – свидетель его. Кому, как не другу, расскажешь, какой у тебя шеф дурак или о своем открытии, что если кофе заварить дистиллированной водой, то он будет «капец суперкрепкий, прикинь».

Матвей хорошо знал, насколько это вообще важно – беседовать с кем-то об обыденных вещах. Два года назад умерла его мама. И он, к своему стыду, ничего не почувствовал. На похоронах не проронил и слезинки. Как-то все равно было, умерла и умерла. Матвей забеспокоился и даже записался к психотерапевту, дескать, а почему эмоций-то нет, положено держать траур, а он... не держится. Нет ни тоски, ни чувства вины, ни сожаления. Может, это социопатия какая-то или депрессия?

А однажды Настя купила Матвею киндер-сюрприз – милая романтическая шутка. И в нем попалась игрушка из перемынутой серии. Они с мамой в его детстве собирали такие. И этой, динозаврика, как раз не хватало. А тут – он, с молоточком и в строительной каске! Как захотелось сказать: «Мама, смотри, вот динозаврик, которого мы так долго искали». И не скажешь. Именно в этот день Матвея прорвало, рыдал навзрыд с этой фигуркой в руке. Такую боль ощутил. С тех пор он и понял: самые маленькие вещи в общении – они же и самые важные.

Леха, никогда не осуждающий и искренне интересующийся самыми мелкими подробностями, стал отличным свиде-

лем жизни Матвея. Он единственный во всей Редакции знал, что Максим Леонидович Павлов приходится отцом Матвеем Карпову. Так что да, это был лучший друг. И не было у Матвея мысли невыносимее, чем потерять возможность говорить с Лехой о комиксах, коллегах, чае, объективах, девушках, фильмах, My Chemical Romance, технологиях, Редакции, Макмэне, очередном запое Лехинового отца, количестве мегапикселей, фокусном расстоянии, инфляции, новой сережке и прочем и прочем.

С тем, кому не все равно.

Лехина фотостудия находилась на минус первом этаже Редакции, в небольшом служебном помещении, смежном с подземной парковкой. Вообще-то, все фотографии Редакции, человек двадцать, снимали и обрабатывали фото в отдельном «пентхаусе» – на верхнем этаже, где много естественного освещения, панорамные окна с красивым видом на Тьмаку, да и само помещение просторное, со всякими модными дизайнерскими решениями.

Фотоуголок Лехи больше напоминал суровый мужицкий гараж, даже пол был в каких-то разводах. Одну из стен из серого бетона Леха облицевал кирпичом, на вторую насверлил деревянных реек, а третью обшил фанерой. Стояли два кожаных черных дивана, висели репродукции Шагала. Сам Леха работал в углу, столом ему служил огромный деревянный верстак, над которым парили полки со всякими штука-

ми в стиле стимпанк и киберпанк – от элементов доспехов до разобранных часов и миниатюрной копии парового двигателя. Рядом была отгорожена ширмами небольшая зона для переодевания и наведения грима, который, как правило, делал сам фотограф.

– Это бойлер-ститч-клок-дизель-маннерпанк-лофт, – шутил Леха.

– Это колхоз, – поддразнивал Матвей, – давай тут кинемшины, на них поставим фанеру, на фанеру – воблу с водкой, позовем кузьмичей, и будет у тебя тут фэшн-караоке-стейкхаус-бар.

Окон не было, но это компенсировал целый парк прожекторов, софитов, вспышек, софтбоксов, светодиодиков, светодиодов и светодиодов разных видов, форм и расцветок. Все это валялось где ни попадя. Благо размер помещения – а по плану там было тридцать парковочных мест – позволял.

Работы у Лехи были соответствующие – для материалов о чем-то мрачном. Например, для репортажей о жизни Обители, мест лишения свободы, психушек и уголков России, нетронутых системой Наблюдения. Леха успел вместе с Матвеем побывать во всех этих местах и сделать там много снимков. Да и прямо в стенах своей фотостудии тоже создавал материал на раз-два: ставил стол, сажал за него любого сотрудника, чуть загримировав и переодев. Пара вспышек, несколько кликов в редакторе – и на фото лоснящийся хипстер из Редакции превращался в спившегося, опустившегося

человека без радостей, будущего, чипа, надежды и веры, сидящего за столом где-то в населенной клопами коммуналке и борющегося с суицидальными мыслями.

С присущей его душе готичностью и экзистенциальной тоской Леха выдавал фотографии столь меланхолические, что обыватели поеживались и уже по-иному смотрели на натканые всюду камеры, летающих дронов и собственные чипированные конечности.

Матвей зашел в фотостудию и окликнул Леху. Тот не ото-звался – копошился за ширмой. Наверное, глаза подводил потемнее – гот он или не гот? Матвей развалился на кожаном диване и начал листать социальные сети. Сегодня лента пестрила снимками предрассветных грозовых туч необычного фиолетового оттенка, ярчайших электрических вспышек, непроглядной дождевой стены и убитых непогодой дронов, валяющихся в лужах. Синоптик Редакции опубликовал пост, в котором со свойственной ему занудностью и канцеляритом написал, что подобный грозовой шторм с такой уникальной расцветкой туч и шаровыми молниями последний раз зафиксирован аж двадцать один год назад, в марте две тысячи четырнадцатого.

Из-за ширмы вышла обнаженная девушка. У Матвея отвисла челюсть: худосочное, даже анорексичное тело, но при этом потрясающая большая грудь с пирсингом на нежных розовых сосках. Совсем молоденькая шатенка, облаченная

лишь в готический макияж, головокружительный аромат корицы, табака и ванили и браслет на тонкой щиколотке. Невысокая, но с длинными ногами с черным педикюром, она стреляла озорными зелеными глазами и томно приоткрывала крохотные губки, покрашенные черной помадой.

– Привет! – сказала она Матвею и уселась на соседний диван. Одну ногу она поставила на сиденье, открывая вид на идеальную депиляцию зоны бикини.

– Как дела? – Матвей смог выдавить только это, потому что был одновременно поглощен пошлыми фантазиями, острым желанием ощутить тяжесть этих грудей в своей руке, сомнениями, натуральное это сокровище или нет, удивлением от того, как такой большой бюст может так идеально стоять и, наконец, как удобнее устроиться, чтобы стояк в тесных костюмных брюках перестал причинять неудобства.

– Шикарно. Сегодня важный день. С Лешей делаем фотосессию для порностудий. Если повезет, то меня пригласят на кастинг!

– Тебе восемнадцать-то есть?

– Конечно, неделю назад стукнуло! По закону раньше восемнадцати нельзя сниматься.

– А раньше вообще нельзя было.

– Эту Декриминализацию год назад провести бы – я бы год сэкономила, вместо того чтобы на юридическом гнить.

– Тебе год назад все равно никто не дал бы сниматься, не доросла же еще.

– А. Ну да, точно. Что-то я и не подумала.

Красотка уткнулась в телефон, а Матвей все не мог оторвать глаз от ее прелестей.

Вошел Леха. Девушка отвлеклась от гаджета и послала ему воздушный поцелуй. Леха никак не отреагировал, а Матвею бросил:

– Здорово. Как сам? Что такой красный?

– Здорово, Лех. Да пришел по поводу острова перетереть – поедem с тобой после выходных. А тут у тебя нимфа такая...

Девушка хихикнула.

– Я только что звонил этому Девонскому, он не отвечает. В Бюро его тоже нет, говорят, вообще пропал с радаров сегодня утром, – сказал Леха. – Не могут найти, выясняют сейчас.

– Нужно очень постараться, чтобы в наших реалиях пропасть с радаров. Он, наверное, очень умный или совсем на дно скатился, – встряла «нимфа».

– Машуля дело говорит. Может, его кто-то похитил? Ладно, плевать. Маш, я сейчас быстро анкету твою заведу, и отстроим такие снимки, что студии за тобой в очередь выстроятся.

Леха сел за верстак, раскрыл ноутбук и начал заполнять анкету в Единой системе регистрации работников порнографической индустрии – ЕСРРПИ, – изредка прерывая молчание вопросами:

– Поручитель подписал согласие?

– Конечно, мама ставила цифровую подпись в ЕСРРПИ.

– Как вообще родители отнеслись к твоему... творческому порыву? – спросил Матвей.

– Сначала не принимали. Но у меня две сестры старших, они близняшки, уже пять лет в индустрии работают. Еще до Декриминализации начали, нелегально. Сейчас-то вообще спокойно стало. Немного заработок просел из-за налогов, но все равно до-фи-га! У меня батя риелтор, мамка бухгалтером работает – столько никогда не зарабатывали. Поэтому ворчали, конечно, для вида, но...

– И как уломала?

– Пришел мой агент, разъяснил все. Что у нас расширенные медицинские страховки, отличные условия, бесплатные поездки в Европу, регулярные медосмотры. Да и сниматься можно до пятидесяти легко – считай, полноценная карьера.

– Ну да, у нас в России «MILF» – один из самых популярных запросов, – поддакнул Леха.

– Можно даже декрет не брать, за съемки беременной оплачивают в двойном. Растить профессионально можно, у нас академии есть, учат всяким трюкам. Бонусы за групповушки, межрасовый... В общем, мамка подписала согласие. Теперь вот сама думает, не пойти ли, – хихикнула Маша.

– После Декриминализации у них же еще и зарплаты официальные, белые, работодатель – государство, напрямую. Налогов много от индустрии, она же покрупнее многих нефте-

газовых будет, – уточнил Леха. – Пенсия больше, чем у ай-тишников, и наступает раньше – из-за вредных условий труда.

– Скинешь ссылочки-то свои? – спросил Матвей.

– Скину, конечно, только не сглазь! – ответила Машуля.

Но, кажется, Матвей все же сглазил: Леха заполнил анкету, нажал «Зарегистрировать в Реестре ЕСРРПИ». Сайт выдал:

Невозможно зарегистрировать порноактера: недостаточное значение социального рейтинга. Запрещаются фото и видеосъемки ню, кастинги в порностудии, участие в webcam-трансляциях и изготовление любого контента эротического содержания.

По щекам девушки потекли слезы, макияж поплыл.

– Леха, а какой у нее рейтинг? – спросил Матвей.

– 18 800 баллов, – сказал Леха.

– Такой высокий?! У меня 16 345, а я вообще-то Отдел Утилизации Сплетен возглавляю. Откуда?!

– Я волонтер в доме престарелых. В Австралии три года назад стала олимпийской бронзовой призеркой в киберспорте. Еще я на митинги в поддержку Партии Равенства хожу все время. И кровь сдаю раз в квартал, – всхлипывая, сказала Маша.

– Матвей, там у них порог для допуска к съемкам не ниже девятнадцати тысяч. Ладно, Машуль, не плачь, чуть-чуть до-

тянуть. И придешь ко мне вне очереди, – успокаивал Леха. – Как ни крути, чтобы сниматься в порно, нужно быть очень добропорядочной гражданкой, таковы требования Закона о Декриминализации...

– «...Чтобы укоренять нравственность и не формировать извращенных представлений о сексуальных отношениях», – процитировал Матвей на память.

Маша утерла слезы и поплелась за ширму.

Сзади она тоже была великолепна.

Вечером того же дня, после работы, Матвей отправился к Таисии, своему психотерапевту.

Тая была молоденькой, красивой и легкой, улыбчивой и в то же время серьезной. Всегда носила костюмы желтых оттенков и туфли на высоком каблуке. У нее была африканская копна густых и кудрявых волос, словно кто-то рассыпал мешочек с черными пружинками. Иногда эта копна заплеталась в дреды. Говорила Таисия с легким акцентом, точно таким же, как у папы-камерунца, с которым двадцать семь лет назад так удачно пересеклась на Олимпиаде в Пекине ее мама. Девушка выросла в солнечном Гаруа и, когда приехала в Россию писать диссертацию, словно забрала с собой кусочек его зноя: задушевные разговоры с мулаткой в ее кабинете заставляли разум плавиться, словно шоколад в кастрюльке, создавая на каждом приеме необычную атмосферу, располагающую рассказывать самые важные тайны.

В Таисию невозможно было не влюбиться.

То, что ее сегодня не будет, стало понятно с момента, как Матвей зашел в уютное помещение Центра Ментального Здоровья – в приемной не было волшебного аромата глинтвейновых специй, который источала любимый психотерапевт, заполняя им все пространство вокруг себя. Пахло буднично: кофе, хлоркой, полиэтиленом бахил, освежителем, аквариумом. И шипровыми духами безликой девочки на ресепшене.

Но не Таей. Наверное, она еще не вернулась из командировки в колонию-поселение для лиц с низким социальным рейтингом, еще не успевших совершить преступление.

Чтобы дать хоть какую-то возможность изолированным от общества люмпенам реабилитировать свое доброе имя, в таких колониях – а их были сотни по всей России – Партия разрешала проводить психологические и социальные эксперименты. А за участие заключенных награждали повышением рейтинга.

Таисия изобрела очень прогрессивный способ психотерапии: при помощи препаратов и сеансов гипноза у пациента создавалась четкая и постоянная галлюцинация, являвшая собой отражение бессознательного в образе некой личности, обладающей собственным сознанием, мыслями и действиями. Такой воображаемый друг назывался «тульпой». С ним можно было общаться, и через такое общение психологические проблемы решались быстрее, чем при обычной тера-

пии.

Вообще, тульпофорсинг²¹ появился в среде интеллигентной молодежи давно, в одно время с осознанными сновидениями, метафорическими ассоциативными картами, вондерлендом и прочей психонавтикой. Созданию тульпы предшествовали этапы проработки характера своего персонажа, его визуализация, построение системы сигиллов, то есть психологических триггеров вроде фото, звуков или запахов; потом галлюцинация рождалась в некоем воображаемом пространстве, чтобы на финальном этапе окончательно ожить усилием воли, «телепортировавшись» в осознанную реальность. Таисия тоже следовала этим этапам какое-то время, устраивая предварительные сеансы психотерапии и разговоров, но потом научилась экономить усилия и стала просто колоть пациентам препараты-галлюциногены. «Фармацевтические» тульпы не только появлялись намного быстрее, но и были более управляемы и лучше отражали бессознательное пациента, потому что «натуральные» обычно создавались усилием воли и самовнушением, то есть сознанием.

Слово «тульпа» Таисия считала неблагозвучным, поэтому свой метод называла «фантомным». Карманная шизофрения под управлением специалиста не только позволяла пациенту поверить в себя, преодолеть детские страхи, справиться с комплексами, но и раскрыть творческие способности,

²¹ Тульпофорсинг – психологическая практика, по принципам схожая с медитацией, призванная создать и поддерживать взаимодействие с тульпой.

создавая в голове пациента настоящую музу. Или, что стало особенно популярным, реализовать самые потаенные сексуальные фантазии. Тульпа в этом случае являлась в образе... да в образе кого только не являлась – роскошной и на все готовой женщины, персонажа любимого аниме, знаменитости, а иногда даже родителя или, в особо запущенных случаях, ребенка.

Чаще всего фантом представлял собой двойника самого пациента – доппельгангера, болтающего о себе же любимом без умолку. Такие уж люди эгоисты.

Для полноценного ввода изобретенной Таисией терапии в клиническую практику нужна была лицензия. Для лицензии требовался эксперимент на большой выборке людей. Да и с самой терапией были проблемы – иногда фантом просто сводил с ума, когда воображаемая личность начинала беспокоить пациента, ругаться с ним, нашептывать на ухо деструктивные идеи. А то и вообще перехватывала сознание человека и действовала непредсказуемо. Тогда Таисия меняла препараты, делала особые сеансы гипноза – и фантом в сознании умирал.

Поэтому, когда местная консалтинговая компания выиграла большой правительственный грант на создание терапии для заключенных, которая помогла бы им быстрее адаптироваться на воле после освобождения, Таисия сразу смекнула, что разговор с фантомом для этого подойдет как нельзя кстати: двойник будет какое-то время подсказывать правильное

поведение, контролировать приступы ярости, а также всегда будет рядом при любых трудностях интеграции в общество.

Воистину Таисия вытянула счастливый билет, когда в мае поехала проверять свою методику в места не столь отдаленные.

Первый раз Матвей посетил Таю пару лет назад, после смерти мамы. Раньше ему тоже доводилось бывать у таких врачей, но, скорее, из интереса. Он не считал, что у него «что-то этакое». Просто закрывал гештальты, рисовал картины, стоял на гвоздях.

Матвей всегда воспринимал сеансы точно так же, как и дизайнерские вещи, очки, серьезные книги на полках, – просто составляющая личного бренда, демонстрирующая, что он пребывает в духе времени и развивает свою сложную и многогранную личность. Посещения психотерапевтов в Редакции были популярны. Каждый уважающий себя сотрудник ходил, а детали активно обсуждались с коллегами возле кулеров.

Но по мере работы с Таей Карпов втянулся. Сначала «вытащили» на свет эмоции после ухода матери и проработали их. Затем вылезли наружу проблемы с отцом – девушка помогла Матвею разобраться с ними и научиться принимать помощь Макмэна. Затем они боролись с неуверенностью. Решили конфликты в отношениях с Настей, кроме одного – плохо скрываемой ревности невесты к психотерапевту.

Это Таисия в свое время подсказала Матвею путь к «терапии на бумаге», посредством которой он выпускал все свои страхи в виде рассказов и повестей. Так появилось новое хобби – написание ужасов и мистики.

Вот и сегодня Матвей сидел в лобби Центра Ментального Здоровья, смотрел по телевизору сюжет о присвоении Героя России какому-то полковнику полиции, в одиночку взорвавшему завод по производству паленой водки в день Генеральной Ликвидации, и ожидал приема.

– Матвей Максимович, мы закончили! – профессор Покровский, хозяин клиники, пузатый невысокий старик, седоволосый и в огромных очках, щелкал пальцами возле лица Матвея. – Сеанс направленной медитации прошел неоднозначно. Очень неоднозначно. Я дам вам видеозапись. Пожалуйста, посмотрите дома.

– Хорошо. Когда будет следующий сеанс, чтобы проговорить все? – спросил Матвей.

– Знаете, я... не знаю пока, что с моим графиком. Я хочу, чтобы вы дождались Таисии. Я... Я не готов к разбору вашей проблемы. Извините, что мы сегодня закончили раньше – на ресепшене вам дадут скидку на следующий сеанс. До свидания.

Направленная медитация, по сути, была гипнотерапией. Покровский специализировался на ней и владел в совершенстве. Сразу видно, кто был наставником Таисии, которая так

же была фанаткой гипноза и всегда делала ставку на него. Но на Матвее никогда не практиковала, ограничиваясь беседами и рецептами на антидепрессанты.

А вот Покровский, который сегодня принимал за Таю ее пациентов, предложил Матвею попробовать направленную медитацию сразу, как только выслушал жалобы на ночной кошмар и тревогу. Чтобы, как выразился профессор, найти причину такого яркого сновидения, реструктурировать ее и выработать подходы.

Что случилось после – Матвей не помнил. Словно после мощного опьянения, когда моргаешь – и резко оказываешься в другом месте, уже наутро, и остается воссоздавать недостающий кусок памяти по чатам в телефоне и по разговорам с друзьями. Вот Покровский просит отключить все гаджеты, вот он гасит свет – кабинет погружается во мрак – и начинает спокойно говорить. Ничего особенного, какие-то дежурные вещи. Но тут он просит поднять руку и дотронуться до носа, что Матвей машинально выполняет... дальше провал. До самого момента, когда он вынырнул в реальность, повинувшись щелчкам пальцев психотерапевта. Казалось, и одной минуты не прошло, но часы говорили, что пролетело уже тридцать.

Когда Карпов уходил от профессора, тот был задумчив и бледен. Но Матвей не придал этому большого значения.

Насти дома не было. Матвей уютно устроился на пуфе у домашнего проектора и скачал из облака файл сегодняшнего

сеанса у Покровского. Весь прием был снят откуда-то сбоку, кажется, из шкафа, на камеру наподобие видеоняни с ночной ИК-подсветкой. Изображение рябило, шло полосами и периодически зависало, звук шипел.

– Я ему плачу двадцать тысяч за сеанс – мог бы и получше наблюдение установить, – с досадой сказал Карпов, открывая попкорн.

Кабинет был погружен в темноту. Матвей-из-ролика спокойно сидел в кресле, но его глаза закатились и стали белыми. Напротив восседал Покровский, по-старомодному стенографируя весь ход беседы ручкой в блокнотик, подсвеченный фонариком в часах, повернутых дисплеем к записям.

Смотреть было занятно, интереснее любого блокбастера, потому что Матвей вообще не помнил этой беседы.

– Итак, Матвей Максимович. Расскажите, пожалуйста, про сегодняшний сон. Вы его помните. Просто верьте мне. Начинайте рассказывать, – приступил Покровский. – Излагайте, пожалуйста, максимально подробно, упоминая все детали. Любая из них нам важна.

– Я не Матвей, – ответил Матвей и ухмыльнулся.

– Даже так? А кто вы?

– Я, если по-вашему, демон.

– И как к вам обращаться тогда, товарищ демон?

– А как хотите. Вот назовите любое имя из демонологии, известное вам.

– Сатана?

– Как-то пошло.

– Вельзевул?

– Не звучит.

– Люцифер?

– Претенциозно.

Покровский был абсолютно спокоен и, по-видимому, легко принял игру Матвея.

– Хм. А ну-ка... Барон Самеди?

– Ха-ха. Нет. Это же Барон Суббота. А сегодня пятница! Да и, по поверьям вуду, он живет себе на перекрестке между мирами и умеет перемещаться. Туда-сюда. Умей я так – сидел бы тут с вами...

– У вас энциклопедические познания в мифологиях разных стран.

– Я просто многое видел. Ваши года – это миг по сравнению с тем, где обитаю я.

– Мамона?

– Мамона – это большая живота.

– У вас наконец-то хорошее настроение. Показательно, что под гипнозом тревога вас покинула. Вы – молодец. Асмодеус?

– Асмодеус... Асмодеус... Да, это подойдет, профессор. Вы тоже молодец. А настроение отличное: я наконец-то чувствую свободу. И да – я не под гипнозом.

– Ну да, Асмодеус, вы же у нас, говорите, одержимы демонами.

– Не совсем. Я и есть демон.

Покровский зачирикал в блокнотике так усердно, что стал слышен скрип ручки.

– Профессор, давайте я дам небольшую вводную, – предложил Матвей. – Пациент перед вами – это оболочка для меня. По-вашему, я что-то вроде демона или паранормального существа. На деле я странник из параллельного измерения. Меня двадцать пять лет назад сюда засосало кротовой норой. Я родился человеком, вашим пациентом. И теперь вот живу. Матвей меня подавляет сознанием, оно хорошо развито у смертных. Но сейчас вы его ослабили своим гипнозом, и я могу говорить. Пациент обо мне не знает.

– Интересная вводная. Давайте обсудим. Какой вам представляется кротовая нора?

– Если честно, почти ничего о них не знаю. Только то, что в вашем мире она проявляется сильным ненастьем и фиолетовым свечением или фиолетовыми шаровыми молниями в небе. Смотрите: мы существа, не антропоморфные. Про наше измерение не буду рассказывать, потому что вы его не сможете представить – в нем нет образов, звуков, речи, логики, морали, привычных вам.

– Но мы таки как-то с вами общаемся...

– И это стоит мне огромных усилий, профессор.

– Хоть что-то есть у вас в пространстве? Или оно совсем пустое?

– У нас есть только что-то подобное вашим эмоциям, при-

чем мы, в отличие от людей, ими управляем в совершенстве и без усилий.

– А вы себе каким демоном видите? Опишите, пожалуйста. Это из какой-то конфессии? Есть ли рога? Какой ваш размер и цвет?

– Все образы из фольклора и религий, связанные с чем-либо демоническим или паранормальным, придуманы исключительно людьми, которые сталкивались с нами.

– А есть ли у вашего воображаемого демона какие-то особые способности?

– Демонам в основном приписывают способности. На деле мы их почти не проявляем, разве что слабый пирокинез или телекинез – иногда просто за счет накопленной энергии, как у шаровых молний. Ну и так... по мелочам. Мы же бестелесные сущности из соседнего пространства, а не Люди Икс, – засмеялся Матвей. – Наша суперспособность – это особенно токсичное нытье и «душнота».

– Соседнего пространства, говорите... Насколько далеким оно вам вообще представляется?

– У него нет физического расположения как такового. Демоны бесконечно далеки или буквально хлопают по плечу. Зависит от вас.

– Интересно. Поясните детальнее, будьте добры.

– Вот представьте, что у вас и у всего мира над головой натянута ткань. Поверх этой ткани живем мы, некие существа. Иногда ткань истончается, и мы можем с вами взаимодей-

ствовать. Мы не злые, но такое взаимодействие всегда плохо для вас заканчивается. Может показаться, что мы пугаем или соблазняем. Искушаем, если хотите.

– То есть вы к нам, Матвей Макси... Асмодеус, просто пролезли сверху из пространства?

– Не совсем. Ткань эта натягивается, и вы нас ощущаете. Вы чувствуете это интуитивно. И именно люди придают своим ощущениям облик. Поэтому-то и существует так много историй с самого начала человечества. Разные демоны, сказочные существа, призраки, оборотни и всякое сверхъестественное. Образы разные, но суть одна – вы иногда чувствуете необыкновенную свободу, и это вас пугает.

– Когда ткань пространства натягивается? Хм. Какие у вас ощущения возникают, когда это происходит?

– Ткань обычно натягивается, когда человек впадает в экзистенциальную тоску и испытывает кризис свободы воли. Когда происходят плохие вещи в жизни. Они привлекают нас особой энергией, и мы вынуждены к ней стремиться. Она для нас как магнит.

– Как психотерапевт вам скажу, экзистенциальный кризис сковывает пациентов, лишая внутренней свободы.

– Не ваша правда, профессор. Люди в депрессии гораздо свободнее, чем, например, вы или Матвей. Вы несвободны совершенно. А убитые горем люди хотя бы немного прикасаются к свободе воли. Вам не понять.

– Я совершенно свободен, вообще-то.

– У людей нет свободы, люди слишком социальны для этого. У вас даже своих мыслей в голове нет. Все мысли составлены из мыслей других людей, с которыми вы когда-либо взаимодействовали. В ваших книгах нет новых идей: вы читаете и понимаете только то, что уже знаете и с чем согласны. Нет ни одной книги, которая на вас по-настоящему повлияла бы. И со свободой так же.

– Я свободен. Я могу сейчас встать и выйти, например.

– Встать и выйти – можете. А можете уйти в лес и жить там один? Или прямо сейчас оказаться там, где действительно хотите быть? Вы хотя бы знаете, где вообще хотите быть?

– Знаю. Очевидно, здесь и сейчас, в роли вашего психотерапевта.

– А откуда вы это знаете? Вы что, пробовали что-то другое? Ваша жизнь ограничена временем. Вы пробуете одну или максимум несколько профессий. Живете в одном месте или максимум нескольких. Общаетесь с ограниченным кругом людей, любите их, дружите с ними просто потому, что они находятся близко к вам в географическом плане. Не более.

– Да вы у нас, батенька, нигилист-ницшеанец? Может, из-за этого вы и кушаете антидепрессанты в ваши двадцать пять? – Покровский насупился и, кажется, разозлился. По крайней мере, он не записывал ничего уже минуты две.

– Даже в вашем понимании, на уровне «встать и выйти», вы несвободны. Вас могут отправить за решетку, – продол-

жил Матвей из кресла. – Или – на войну. Вами управляют бумажки с цифрами и чужое мнение. Управляют настолько сильно... Вы даже не осознаете насколько. А когда до вас доходит – ловите экзистенциальный кризис, лишаете себя равновесия и радости, привлекая к себе клевых чуваков вроде меня аж из другого пространства.

Повисла длительная пауза. Наконец Матвей бросил:

– В вашем мире только физики и писатели стараются немного понять суть свободы. Во всяком случае, именно с ними мы сталкиваемся чаще всего. Между прочим, именно теоретическая физика со своей теорией струн наиболее точно описывает реальность: существование множества параллельных пространств. Только ученые ваши все равно подразумевают миры смертных, до паранормальных для вас вселенных, в которых обитают лишь переплетенные энергетические сущности, они еще не дошли. Увы.

– Очень спорная сентенция. Ну пускай, имеет право быть. Хм. А как вы попали в наш мир? Вы с Матвеем Максимовичем, получается, взаимодействовали? Или, как вы раньше сказали, – Покровский перелистнул назад страницу, – вы и есть Матвей Максимович?

– Я и есть. Если коротко, иногда ткань эта рвется и в ней образуется «дырка» – кротовая нора, через которую демоны могут перемещаться между соседними пространствами и даже эпохами. Мы ею не управляем. Просто какая-то непонятная энергия с чем-то резонирует, и нас затягивает сюда

к вам. Так было и со мной.

– Опишите, пожалуйста, при каких обстоятельствах все произошло? Об этом ведь и был ваш сон?

– Помимо физиков и писателей, наибольшая свобода воли – у вашего младшего поколения, ваших детей. И я был привлечен сгустком энергии откуда-то отсюда, из Твери. Меня притянуло к маленькой девочке. Я оказался прямо в ее спальне. И это был настолько надломленный ребенок, я вам скажу. Человечество вообще не имеет право на существование, раз может так поступать с детьми. Конечно, я тоже хотел ее напугать. Вы не подумайте плохо, мы не злые, просто такова наша природа. Но негативная волна в сознании ребенка, ее боль и страдания... Они оказались настолько мощными, что открыли кротовую нору. Из фиолетовых туч полился дождь. И я родился. С тех пор мало что помню.

– Вы прямо в тот же момент родились? – с сарказмом спросил Покровский. – Или таки через девять месяцев, как положено?

Матвей задумался. На лице профессора заиграла саркастичная ухмылка.

– Я думаю... Думаю, что я просто заменил своей сущностью душу того, кто должен был родиться в этот момент неподалеку. Прямо в утробе и заменил.

– Вот как. Вы верите в переселение душ?

– Конечно! А вы не верите? Поймите, «душа» – это не ангелочек с арфой. Это божественная природа, разумное-доб-

рое-вечное, что мы, демоны, не в силах понять так же, как вы никогда не поймете, что у нас там за пространство. А «сознание» – вы же за него топите как психотерапевт? – это обычное человеческое сознание, как его представляют биологи и Бегбедер в «Любовь живет три года». – Матвей усмехнулся. – Мозг, биохимия, культурные ценности и воспитание. В каком-то смысле человек без души – социопат.

– То есть вы заменили душу. И?..

– И теперь ваш пациент просто социопат, а его подлинная энергия осталась сидеть внутри, заточенная в человеческой природе и сознании. Изредка как чертик из табакерки проявляясь и толкая Матвея на неблагоприятные поступки. Нашептывая плохое.

– То есть человек-демон не знает, что он демон?

– Можно и так сказать.

– Это называется «одержимость», Матвей Максимович.

– Ах, идите к черту, профессор! Вы некомпетентны в душевных расстройствах!

Матвей перекинул ногу на ногу, резким движением головы потряс топ-нотом и издал громкое «пф-ф-ф». Покровский выдержал паузу и вкрадчиво начал:

– И все же у вас интересная интерпретация... всего. Ас-модеус, скажите, пожалуйста, чего вы хотите прямо сейчас?

– Больше всего я хочу вернуться домой, в свое пространство. Раз уж вы мой мозгоправ, молю вас, убедите Матвея найти способ освободить меня. Без этого он никогда не най-

дет душевный покой.

– Вы прямо ощущаете какую-то несвободу. Что-то вас подавляет. Я думаю, это отношения с вашей невестой или отцом...

– Да меня все ваше бытие человеческое подавляет! Вы меня слушаете, но не слышите! Но тут и я виноват: некорректно выразился – не только я хочу попасть домой, но и мое пространство стремится забрать меня отсюда. Это мучит меня. И не только меня. Все люди-демоны так же страдают. Демонические сущности горят изнутри. А их человеческая составляющая лишь чувствует страх, тревогу и гнев.

– Вообще-то, любой взрослый человек страдает, такова уж наша природа. Советую почитать Джордана Питерсона, канадского психолога...

– Знаем, читали, – усмехнулся Матвей. – Но помимо страданий у людей-недемонов есть нечто большее – вера, добродетель, стремление к высокому, сострадание. Они видят Бога, чем бы он там ни был. А в нас есть только паранормальная сущность, которая, к сожалению или к счастью, не имеет ничего из этого. Это утраивает страдания вашего пациента.

– Предположим, что это так. Но где тогда вы видите выход?

– В возвращении домой.

– И как это сделать? Что для вас есть «возвращение»?

Матвей посмотрел в камеру. Его глаза сверкнули, как ксеноновые фары. Он шумно вздохнул, по изображению пошли

наводки еще сильнее. Начал тереть лоб, словно его терзала головная боль. Наконец он заговорил:

– Сегодня редкий случай, когда я смог прорваться в сознание моего смертного альтер эго. И в этом основная проблема. Конечно, демонов достаточно вокруг. Конечно, мы связаны коллективным разумом и общаемся. Конечно, мы, даже когда человек в сознании, можем подавать ему слабые импульсы. Но этого недостаточно! Демон владеет телом слишком малое количество времени, чтобы освободить себя или другого демона, а человек и не знает о проблеме. А если и узнает, то не будет ничего делать: ему помешают страх и глупость. Нужно ведь либо убить себя, либо убить другого демона, либо найти соулмейта – «родственную душу», из-за которой мы попали в этот мир, человека, с которым резонировала наша энергия, – и что-то с ним сделать.

– А если убить другого демона, то вам станет легче? – уточнил профессор. – Вас тоже «усосет» из нашего пространства? Мне это важно, чтобы понять вашу мотивацию и то, нужно ли вас изолировать от общества в клинике?

– Нет, меня в этом случае точно не «усосет», как вы изволили выразиться, – ответил пациент. – Но существовать мне станет значительно легче – концентрация нашей энергии в мире смертных станет меньше и путы, которые вытягивают нас обратно, чуть-чуть ослабнут.

– Вы говорите очень опасные вещи. Я бы настаивал на вашей изоляции...

– То есть вы не хотите помочь?

– В убийстве людей я вам точно не помощник! – Покровский усиленно зачирикал в блокнотике, а затем незаметно для пациента провел по экрану часов, и на нем появилась красная кнопка SOS – очевидно, для вызова охраны.

– Может, вы хотя бы передадите Матвею, чтобы он нашел кого-нибудь с его... как там по-вашему... проблемой? Ему ведь не психотерапевт нужен. Есть демоны, которые древнее, чем я, которые осознали себя и могут стать менторами. Они призваны передавать знания другим демонам. Наше пространство хранит этих людей бережно, ходят слухи, что они бессмертны.

– И где же они живут?

– Они не живут. Они люди, – хмыкнул пациент. – Я чувствую одного такого на центральной улице этого города. Нужно его найти!

– Помогать с поиском людей – не моя прерогатива, тут я тоже бессилен.

– Ничего страшного. Я и не надеялся, что вы мне поможете. Но я чувствую, что со стороны моего дома сегодня ночью постучали. Что-то грядет. Была фиолетовая гроза. Это значит, что Аннушка уже разлила масло.

– Разлила – значит, разлила. Аннушка – молодец. Как и вы. На этом предлагаю завершить наш сеанс. Я доволен прогрессом. – Профессор начал зачитывать записи из блокнотика: – Описание демонов и прочего очень достоверны. Об-

раз демонов у вас логичен, вымышленная вселенная глубоко проработана. Возможно скрытое истерическое расстройство личности. Но в целом мир вашего «пространства за тканью» лишен эмоций и явной риторики, нигилистичен. Это тревожит меня. Возможно, вы перешагнули грань клинической депрессии. Тема поиска свободы воли в беседе обозначена явно. Стремление «вернуться домой» может трактоваться как суицидальные мысли. Это плохо. Образы из сна, связанные с ребенком, указывают, что ваша проблема кроется в вашем детстве. Я хочу с вами работать и дальше. Сейчас я выведу вас из состояния гипноза. Вы начинаете медленно погружаться в дремоту. Слушайте только мой голос. Ваши веки тяжелеют...

– Профессор, напоследок загадка: что отличает успешный сеанс психотерапии шизофреника от свидания с паранормальным?

– И что же?

Матвей по ту сторону экрана сделал легкое движение рукой, будто что-то отшвыривает.

В тот же момент блокнотик вылетел из рук Покровского, как зонтик, вырванный ветром. И полетел прямо в объектив камеры!

От неожиданности Матвей отпрянул от экрана, опрокинул стакан с попкорном и свалился с пуфа, словно Шалтай-Болтай со стены.

Из учебно-методического пособия для сотрудников Редакции по современной истории под ред. Павлова М.Л.

§ 3.2. Деятельность Партии Равенства с момента вступления во власть и до наших дней

3 марта 2025 г. Партия Равенства пришла к власти. В этом же году, **5 апреля**, вступила в силу первая редакция Закона о Прозрачности и был организован Департамент Наблюдения и Информирования. Этот федеральный орган реализовал Единый цифровой профиль гражданина, в рамках которого в 2025 г. было проведено:

- 1) массовое чипирование россиян;
- 2) перевод личных документов и подписей в цифровой формат;
- 3) отказ от наличных и разработка цифрового рубля на основе блокчейна как мера противостояния возможным внешним санкциям, связанным с отключением от международных платежных систем;
- 4) заполнение населением пакета соглашений, дающих право государственным ведомствам получать доступ к любой личной информации.

Также Департамент начал поэтапно вводить социальный

рейтинг и глобальное видеонаблюдение, закончив процесс в январе 2026 г.

По словам главы департамента Романа Владимировича Резника:

Это [появление социального рейтинга и видеонаблюдения] продиктовано соображениями безопасности граждан, государственного строя и стратегических объектов в условиях высокого уровня криминала, активной деятельности террористических организаций и западной интервенции. Появление программного и аппаратного обеспечения для контроля за перемещениями людей и транспортных средств, а также ведения социального мониторинга – это прямое и естественное следствие научно-технического прогресса.

С начала века действия пользователей отслеживаются на большинстве сайтов, связанных с реализацией товаров, оказанием услуг, подписками на контент. Банки, операторы связи и телекоммуникаций тоже имеют свои инструменты сбора данных. Это прописывается в договорах. Так что мониторинг был всегда, причем, как показала практика в ходе реализации [проекта Единого Цифрового Профиля Гражданина], очень подробный и полный в условиях развития информационных технологий. Просто не было государственной политики, которая бы начала это регулировать на федеральном уровне, взяла бы под контроль компетентных органов и разработала бы соответствующую норма-

тивно-правовую базу. В плане инфраструктуры мы проделали минимальную работу, сугубо организационную, и Партии Равенства хватило внутренних резервов, сформированных на основе частных инвестиций. Я считаю, что мы поступили в духе времени.

Опасения граждан в части какой-то слежки за ними, нарушения личных свобод или превышения полномочий, ограниченных подписанными соглашениями, беспочвенны – если вы не занимаетесь неуместной пропагандой, не ведете террористическую деятельность, не разжигаете рознь и не посещаете незаконных собраний, то вы даже не заметите присутствия социального мониторинга в вашей жизни. Зато получите гарантии безопасности. А это в наше непростое время дорогого стоит.

В 2028 г. была создана Редакция – независимая медиакорпорация, объединившая в себе средства массовой информации, включая крупные издательства, радиостанции и каналы телепередач. Возглавил ее Максим Леонидович Павлов. Редакция создана для того, чтобы доносить важные изменения в законодательстве и свежие новости до широких слоев населения в индивидуальном формате для каждой возрастной, гендерной или этнической категории (чего не было раньше, когда источником государственных новостей была пара каналов центрального телевидения, одна радиостанция и несколько газет от партий старой власти). Также Редакция

следит за распространением незаконных материалов и регулирует цензурой все виды контента.

2030 г. ознаменовался появлением Каиссы – платформы обработки данных на основе искусственного интеллекта. Ее местоположение строго засекречено, а ее разработка ведется под патронажем специального органа, являющегося частью Федеральной службы безопасности. Разработка Каиссы стала технологическим прорывом, закономерным итогом Закона о Прозрачности, окончательно собрав в единую систему абсолютно всю информацию в стране. В **2033 г.** основное городское видеонаблюдение дополнили дроны – небольшие квадрокоптеры с видеокамерами и тепловизорами, которые усилили меры автоматического патрулирования улиц и пригородных территорий.

§ 3.2.1. Расслоение структуры власти: образование Союза Нерушимых

В **2034 г.** на фоне социальных противоречий в обществе и накопившихся внутри Партии Равенства конфликтов от нее откололась часть политического истеблишмента, образовав новую партию – Союз Нерушимых.

Одной из предпосылок расслоения правящей верхушки был финансовый вопрос – инфраструктура Наблюдения доказала свою эффективность, власть справилась с задачей донесения до населения необходимости Закона о Прозрачности. Но на закупки серверов, фонд оплаты труда высококвал-

лифицированных сотрудников, обслуживание парка видеокамер и дронов, организацию постоянной научно-исследовательской и опытно-конструкторской активности уходила солидная часть государственного бюджета. Это привело в том числе к росту внешнего долга. Одним из приоритетов Союза Нерушимых стало проведение реформ в части изыскания средств и оптимизации расходов на деятельность Департамента Наблюдения и Информирования.

Второй конфликт касался растущей силовой структуры государства: после введения Наблюдения и Информирования в стране обнаружился масштабный теневой бизнес, ранее скрытый из-за ограничений традиционной оперативно-разыскной деятельности (а также потворства коррумпированных чиновников, чьи правонарушения были вскрыты и пресечены благодаря цифровому рублю и отслеживанию транзакций). Дроны непрерывно находили точки продаж запрещенных веществ, притоны, склады фальсификата, публичные дома, факты подделки денежных средств.

Террористическая деятельность, продажа оружия, производство наркотических веществ и контрафакта, центры работорговли были консолидированы и располагались в небольшом количестве мест. Поэтому соответствующие сигналы от Каиссы обрабатывались быстро и органы успешно ликвидировали эти очаги крупными, но все же точечными операциями.

Более децентрализованные и мелкие преступления, такие

как проституция или продажа запрещенных веществ, носили характер шквальный, многочисленный, постоянно возобновляемый. Но реагировать на такие сигналы было необходимо, что перегружало систему правопорядка и правосудия. Партия Равенства взяла курс на увеличение штата полицейских и расширение их полномочий, а также на наращивание судебного аппарата, что в свою очередь привело к резкому повышению расходов на уголовно-исполнительную систему.

§ 3.2.2. Операция по Генеральной Ликвидации

Резко возросшее число операций силовых структур не могло не взволновать криминальную элиту. В ней тоже произошел раскол – большая часть глав теневого бизнеса сосредоточилась на противодействии силам правопорядка. Внедрялись способы симбиоза: например, запрещенные вещества и фальсификат начали реализовываться сотрудниками эскорта и интимного досуга. Было взято направление на децентрализацию: бордели распределили по постоянно меняющимся съемным квартирам, торговля оружием перешла на каналы сбыта наркотиков. Искались лазейки и в юридической системе, и в системе Наблюдения. Но видимого результата не было.

Вторая часть криминальной элиты начала диалог с политиками в поисках взаимной выгоды.

В конце 2034 г. состоялась встреча представителей Союза Нерушимых и делегации от криминального истеблишмен-

та. В ходе встречи сторона криминалитета передала политикам полную информацию о членах преступной элиты, схемах ведения теневого бизнеса, расположении экономического ядра преступности и «общака», коды доступа к внутренним информационным системам и реквизиты крупнейших счетов мафии за границей. **С девятого по одиннадцатое января 2035 г.** на основе этих данных совместными усилиями полиции, регулярных войск и спецслужб был проведен ряд масштабных оперативно-разыскных мероприятий и силовых операций по устранению преступных сообществ, который получил название Генеральная Ликвидация. Все операции имели успех за счет внезапности («антикриминальный блицкриг») и параллельной финансовой блокировки – арестов крупнейших счетов и имущества ядра криминального мира, в т. ч. за рубежом. Считается, что за эти три дня криминал и коррупция в стране были полностью побеждены. По этому поводу введены государственные праздники.

§ 3.2.3. Закон о Декриминализации

В феврале 2035 г. вступил в силу Закон о Декриминализации. Он вызвал в обществе большой резонанс, т. к. признал легальными некоторые виды теневого бизнеса, которые ранее были под запретом. Закон о Декриминализации не является окончательным, потому что до сих пор находится на стадии разработки и активного обсуждения и вводится поэтапно. Каждый этап оформлен в отдельный пакет предло-

жений, который затем должен получить статус законопроекта и только после его принятия вводиться в практику.

Пресс-центр Союза Нерушимых дал исчерпывающие разъяснения по поводу вступления Закона в силу. Была озвучена проблематика, появившаяся после Генеральной Ликвидации:

1) необходимость избежать перегрузки и последующего коллапса уголовно-исполнительной системы в условиях реальной невозможности ликвидировать или изолировать всех преступников;

2) недопущение повторного возникновения теневого бизнеса уже под началом других главарей;

3) компенсация огромных, ударивших по федеральному бюджету затрат на Ликвидацию.

В связи с этим Союзом Нерушимых предложено:

1) присвоить теневым видам бизнеса легальный статус, перевести их со всей оставшейся инфраструктурой под патронаж государства, обязать выплачивать налоги по повышенной ставке;

2) назначить руководителями теневой экономики лиц из числа криминальной элиты, оказавших помощь правоохранительным органам при планировании Ликвидации, исходя из их компетенций по организации и управлению в столь специфической области;

3) сформировать из всех вышеуказанных руководителей Кабинет развития теневой экономики, выделить квоту в Со-

юзе Нерушимых для членов Кабинета, гарантировать им депутатскую неприкосновенность;

4) выработать нормативно-правовую базу для регулирования теневой экономики и всех ее процессов – она должна обеспечивать безопасность работников теневого бизнеса и конфиденциальность данных его клиентов.

Эти постулаты легли в основу Закона о Декриминализации.

Первыми, пилотными видами теневого бизнеса стали: проституция, изготовление порнографических материалов, продажа оружия и различные виды игровой деятельности – на данный момент все они получили легальный статус, а осужденные по соответствующим статьям освобождены по амнистии. За образец нормативно-правовой базы был взят аналог, действующий в странах, где подобная легализация стала уже традиционной.

В данный момент ведется активное обсуждение легализации производства и сбыта запрещенных психоактивных веществ. Эта инициатива пока под вопросом, т. к. Всенародный Референдум наложил вето на реализацию данного направления.

Партия Равенства поддержала Закон о Декриминализации и осуществляет помощь в доработке нормативно-правовой базы, а также организует конфигурацию систем Наблюдения и Информирования в целях конфиденциальности граждан, потребляющих товары и услуги, предлагаемые ле-

гализованными видами теневого бизнеса.

Примечание для работников средств массовой коммуникации: при подготовке материалов важно помнить, что, несмотря на либеральный по своей сути Закон о Декриминализации, партия Союз Нерушимых позиционируется как консервативная. Партия Равенства же позиционируется как центристская с упором на социальный либерализм, хотя Закон о Прозрачности исторически перенят с коммунистического режима.

Состав Союза Нерушимых: руководители силовых ведомств, высшие военные чины и, с **2035 г.**, члены мафиозных кланов и элита теневого бизнеса.

Состав Партии Равенства: руководители либеральных партий старого режима, предприниматели (традиционный бизнес), топ-менеджмент компаний в области наукоемких отраслей и высоких технологий.

Основными целями Союза Нерушимых является построение сильной внешней политики страны и увеличение товарно-материальных запасов. Партия Равенства ориентируется на меритократические и технократические принципы в управлении государством.

§ 3.2.4. Социальные инициативы Партии Равенства в тридцатые годы

§ 3.2.4.1. Образование Обителей

Закон о Прозрачности и Закон о Декриминализации были нейтрально встречены официальными религиями. Но вместе с тем нашлось некоторое число граждан, отказавшихся соблюдать новые законы из личных убеждений: чипирование и цифровой профиль в определенных конфессиях трактуются как метка дьявола, а легальный статус проституции или порнографии противоречит нормам морали.

Для таких граждан еще в **2025 г.** была выделена территория в Тверской области, свободная от патрулирования дронами и видеонаблюдения, получившая название Первая Обитель. В ней допустимо находиться гражданам, не прошедшим чипирование. Государство на этой территории построило населенный пункт по типу военного городка с необходимой для жизни инфраструктурой, организован регулярный подвоз продовольствия и медикаментов.

За последние десять лет появились Вторая, Третья, Четвертая и Пятая Обители в Калининградской и Екатеринбургской областях, Приморском крае и Ямало-Ненецком автономном округе. Средняя численность населения такой общины составляет около десяти тысяч человек, однако эта цифра начала расти после введения Закона о Декриминализации.

Местность вокруг Обителей патрулируется силами регулярных войск, за общинами ведется наблюдение со стороны внутренней разведки. Детали жизни внутри городков засекречены. Жителям разрешается покидать территорию не бо-

лее чем на сутки и только с разрешения Старейшины.

Обитатели в определенном смысле изолированы, как субъекты Российской Федерации признаны автономными округами. Уклад жизни в них в существенной степени регулируется местными законами. Экономическое взаимодействие с населением поселка в отсутствие у них электронных денег осуществляется посредством бартера. Обитатели производят фермерскую продукцию и ремесленные изделия, которые в дальнейшем используются при обмене. Образование и воспитание детей, а также лечение членов Обителей осуществляется самими сообществами, в чем проявляется сходство с некоторыми заграничными религиозными общинами консервативного толка, например, амишами.

§ 3.2.4.2. Появление Народной Дружины как инструмента дополнительного регулирования социального рейтинга

Социальный рейтинг – это динамически меняющееся количество баллов, которым измеряется добропорядочность, социальная интеграция и общественная польза каждого индивида, характеризуя его как личность и как гражданина. Рейтинг предназначен для оценки рисков взаимодействия с конкретным человеком со стороны социума, финансовых учреждений и государственных организаций.

Количество баллов уменьшается при нарушении норм общественной морали и законодательства и повышается за

достойные честного гражданина проявления, связанные с укреплением образа Партии Равенства в обществе, полезными работами, благотворительностью, трудовой дисциплиной и добропорядочным исполнением финансовых обязательств. *(С полным списком факторов, определяющих величину социального рейтинга, можно ознакомиться в Законе о Прозрачности, стр. 114–217.)*

Чем выше рейтинг, тем больше различных возможностей получает гражданин, чем меньше – тем больше ограничений на него накладывается. Слишком низкие значения рейтинга могут стать веской причиной для изоляции гражданина в колонии-поселении.

Баллы рейтинга нельзя покупать или обменивать.

До **2030 г.** рейтинг выводился программами, обрабатывающими большое количество информационных источников. Это было непродуктивно и не всегда точно. С 2030 г. единственным инструментом, который осуществляет управление величиной рейтинга всех граждан, является Каисса (см. § 3.2). Важной особенностью алгоритмов Каиссы стало построение матрицы социального взаимодействия гражданина – учет людей, с которыми общается индивид (его семья и окружение, коллеги, а также неформальные сообщества, в которых он состоит). Считается, что если человек контактирует с людьми с низким рейтингом, то его рейтинг тоже необходимо понижать ввиду негативного социального влияния («феномен плохой компании»). Обратный процесс не

предусмотрен – при общении с людьми с большим количеством баллов рейтинг не растет.

Автоматически собранных данных, агрегируемых искусственным интеллектом, не всегда хватало для точности оценки. Поэтому в **2031** г. была основана федеральная некоммерческая организация Народная Дружина. Ее целью стало осуществление дополнительного ручного сбора данных о добропорядочности населения. В состав Дружины вошли волонтеры из числа граждан с рейтингом выше 15 000. Их задача состоит в наблюдении за другими гражданами и оповещении Департамента Наблюдения и Информирования о случаях неподобающего поведения и фактах правонарушений. Оповещение осуществляется любым удобным способом.

Работа Дружины ввиду особенностей ментальности российского общества носит скрытый характер – информация о дружинниках засекречена для гарантии конфиденциальности. Дружинникам оказывается поддержка органами правопорядка, все их сообщения немедленно обрабатываются специальными модулями Каиссы. Дружинник получает небольшую доплату и повышение своего рейтинга за каждое сообщение, а также некоторые социальные льготы. Предусмотрены крупные штрафы и исключение из Дружины за заведомо ложные сообщения со стороны дружинника.

Глава 7

Платон.

10 августа 2035, пятница

Ярко-оранжевый, будто сама осень, кленовый лист неторопливо спланировал в лужу, отражающую безупречное синее небо. По воде пошли круги, создав крошечный прилив, встречаемый металлическим волнорезом лопастей дрона, утопившего здесь все, что ему довелось увидеть на улицах. Круги шли и шли, искажая пространство и превращая лист в оранжевый родстер, на огромной скорости скользящий по длинной дамбе через лужу, обернувшуюся Финским заливом.

Платон находился на водительском сиденье, а модуль Каиссы вел автомобиль на Котлин. Солнце слепило, Платон был погружен в собственные мысли. На приборной панели возникла надпись: «Связь с сервером потеряна». На Платона плавно выдвинулось рулевое колесо, спинка кресла чуть поднялась, из пола выступили педали – родстер перешел на ручное управление. Платон взялся за руль и начал снижать скорость. Ничего трудного: прямая хорошая дорога, абсолютно пустая. Внезапно машину повело – на чистом дорожном полотне откуда-то взялась тонкая песчаная дорожка, скольз-

нувшая под низкопрофильную резину родстера, увлекая его в немыслимый зигзаг, трагически заканчивающийся в отбойнике...

Волнами боли и жара прожгло с ног до головы так, что с губ слетел стон. Заныло предплечье.

Платон проснулся.

Одеяло и простыня были насквозь мокрыми, тело заледенело от сквозняка. Дуло из распахнутого окна, а на полу спальни блестела большая лужа – ночью шел дождь. Девонский судорожно, не замечая озноба, пробежал в ванную за тряпками, на обратном пути бросив взгляд в зеркало: сутулое тщедушное тело, бледное лицо, зеленые глаза, подернутые бурой сеткой капилляров и очерченные темными кругами, стиснутые челюсти, усики над тонкими губами и мокрые сосульки каштановой челки.

Платон закрыл окно, справился с лужей, укутался в махровый халат и теперь сидел на кухне, листая соцсети и держа в руках калebas²² с пахнущей черносливом йербой²³, ожидающей шуршащий жаром чайник. Курить хотелось нестерпимо. Девонский честно держался пятнадцатый день, но по-прежнему тянуло щелкнуть паленой Zipro после любого законченного дела, как сейчас вот – после наведения порядка

²² Калebas (*исп. calabaza – тыква*) – традиционный сосуд для приготовления и питья мате.

²³ Йерба, ерба (*исп. yerba – трава*) – высушенные и измельченные листья палудба парагвайского, из которых готовят мате.

в спальне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.